I

Г. П. МАКОГОНЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1

Историзм несомненно является важнейшей особенностью новой русской литературы. Но с какого времени должно вести его историю? Практика свидетельствует, что традиционно точкой отсчета оказывается «Борис Годунов» Пушкина. Тем самым подчеркивается, что в России историзм выступает одновременно с реализмом и как его важнейший атрибут. Литературе до Пушкина (точнее — до написания «Бориса Годунова») в историзме логично отказано. Взгляды на историю писателей-романтиков, писателей-декабристов и писателей-просветителей характеризуются как антиисторические. Справедливо ли это? Исторично ли наше сегодняшнее представление о времени формирования историзма в русской литературе?

Обращение к европейской литературе открывает нам другую закономерность. В Англии, например, историзм как принципиально новое понимание истории отчетливо проявляет себя в десятые годы XIX в. внутри романтической системы Вальтера Скотта. Историзм надолго оказался связанным именно с романтическим мировоззрением. На опыт Вальтера Скотта опирались французские историки, выступившие в 1820—1830-е годы со своими фундаментальными трудами по истории (в частности, по истории французской революции 1789—1793 гг.). Созданная ими школа романтической историографии и придала классический характер историзму на его домарксовой стадии развития.

Немецкая литература дает иной ответ на вопрос о времени зарождения историзма. Факты утверждают, что формирование исторического мышления началось в последнее тридцатилетие XVIII столетия, и проходило оно в рамках и на фундаменте просветительской идеологии, в доромантический период европейской литературы. «Отцом историзма» справедливо называют Гердера,

который своими трудами дал мощный толчок для выработки нового понимания истории.

Насущная необходимость истории историзма очевидна. Ее отсутствие свидетельствует о неразработанности этой важнейшей проблемы. Хотя следует признать, что и у нас, и за рубежом систематически выходят работы, посвященные, в частности, французским историкам, В. Скотту, Гердеру и вообще проблемам историзма. Вопрос же о том, как в русской литературе до Пушкина в ответ на требование времени начался пересмотр философии истории просветителей и стало формироваться подлинно историческое мышление, давно стоит перед литературоведческой наукой. Пора его решать, т. е. исследовать проходивший на протяжении полувека (до пушкинского «Бориса Годунова») сложный, противоречивый, но нацеленный на будущее процесс выработки нового понимания истории, в ходе которого история начинала открывать тайны своего развития.

Процесс, проходивший в России, соотносится с тем, что делалось в других европейских странах — Германии, Франции, Англии прежде всего. Русская литература участвовала в общеевропейской борьбе за новую философию истории, делала первые шаги в избранном направлении. Изучение этого процесса требует тщательного собирания нужного материала, просмотра под этим углом зрения всего написанного за это полустолетие, исследования собранного и прочитанного, отказа от устоявшихся догматических априорных представлений об антиисторизме русской литературы до Пушкина. На этом пути откроется много неожиданного, интересного и благодарного. Труд исследователей будет вознагражден. Но уже сейчас ясно, что в становлении историзма на его начальной стадии огромная роль принадлежит Радищеву и Карамзину. Пушкин начинал не на пустом месте: ему было на что опереться — и на русский и на западноевропейский опыт. Опыт русской литературы последней трети XVIII и первой четверти XIX столетия и должен быть предметом рассмотрения, изучения и обобщения.

При этом необходимо, опираясь на факты, преодолеть антиисторический взгляд на просветительскую философию истории, покончить с недооценкой огромного вклада просветителей в познание прошлого, в формирование основ новой исторической науки. Чаще всего в характеристике освободительной идеологии просветителей подчеркивается антиисторизм их взглядов на общество и человека, обращается внимание только на эту особенность их убеждений. Действительно, великие французские просветители, даже материалисты в философии, оставались идеалистами в объяснении общественных отношений. Отсюда исторически закономерно утверждалась механистичность и антиисторичность их воззрений на историю.

Беспощадно критикуя феодальное общество, просветители признали перед судом разума неразумными все прежние установле-

ния и представления. Оттого они не признавали самостоятельного значения исторического прошлого и прежде всего средневековья с его, как они утверждали, варварством и суевериями. «Мир в течение прошедших веков руководился нелепыми предрассудками; лишь теперь его озарил яркий свет разума, и все прошлое заслуживало лишь сострадания и презрения».[1] Для Дидро, например, история человечества — это история угнетения его кучкой мошенников. Мерсье рассуждал еще категоричнее: «История — это сток нечистот, где кишат преступления, совершенные родом человеческим».[2]

При рассмотрении просветительской философии истории Энгельс отмечал ее антиисторизм. «В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи». «На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, образование там в соседстве друг с другом великих жизнеспособных наций, наконец, огромные технические успехи XIV и XV веков. А тем самым становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, и история в лучшем случае являлась готовым к услугам философов сборником примеров и иллюстраций».[3]

Механистичность воззрений просветителей XVIII в. (даже материалистов) приводила к тому, что они оказывались не способными понять мир — и природу и историю человечества — как процесс, как непрерывное и, главное, обусловленное материальными факторами развитие. Это бесспорная истина. Но не должно забывать, что уже в конце XVIII в. некоторыми просветителями обоснована мысль о неспособности этой философии истории объяснить причины развития, что с 1770-х годов стали публиковаться работы, в которых отчетливо проявлялись тенденции принципиально нового понимания общества и человека. Более того, именно в эту пору начался, с одной стороны, пересмотр механистического понимания истории, а с другой — в ходе пересмотра в старых работах просветителей обнаруживались гениальные догадки о причинах развития общества.

В трудах Монтескье, Юма, Руссо, Мабли, Рейналя, Дидро уже находились отдельные элементы понимания подлинного механизма общественных отношений, которые в той или иной степени способствовали преодолению антиисторического взгляда на историю.

История европейского Просвещения убеждает, что преодоление механистического взгляда на историю как на сборник примеров и иллюстраций умозрительно созданной той или иной философ-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 1-е изд., т. XIV, с. 357. (Во 2-м изд., т. 20, с. 17, мысль эта переведена иначе).
[2] Ранний буржуазный реализм. Л., 1936, с. 38.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 287—288.

ской концепции и выработка основ подлинно исторического мышления осуществлялись на протяжении многих десятилетий; это был сложный процесс исследований, исканий, догадок, но важно помнить, что начался он в ту же эпоху Просвещения и часто в недрах самого Просвещения. Такова диалектика исторического развития науки об истории.

Домарксов историзм складывался на протяжении почти целого века. Естественно, на этот процесс мощное влияние оказывало время (бурные политические и социальные события, развитие философии и прежде всего диалектики, возникавшие острые общественные проблемы, заставлявшие обращаться в поисках истины к опыту истории, и т. д.), расчленившееся на определенные этапы или периоды. Через какие же периоды проходила пытливая человеческая мысль, стремившаяся познать законы истории? В научной литературе бытуют некоторые определения: пишут о реалистическом историзме (Пушкин), о романтическом историзме (В. Скотт, французские историки). Закономерно начальный этап этого процесса — конец XVIII и начало XIX в. — именовать просветительским историзмом. Самыми крупными деятелями этого периода являются Рейналь и Гердер. В России он дал Радищева и Карамзина.

Термин «просветительский историзм» только на первый взгляд кажется парадоксальным, и в этом вина нашего неисторического, некоего суммарного и абстрактного представления о воззрениях просветителей на историю. В действительности именно этот термин несет в себе нужную и важную информацию о великой роли просветителей в выработке новой философии истории, о первых достижениях на пути к познанию законов развития. С другой стороны, в этом термине содержатся объясняемые временем идейные, теоретические, философские в конце концов, слабости нового метода, характерные именно для него недостатки в познании прошлого и объяснении настоящего. И это оправданно, поскольку историзму (как определенной системе взглядов) каждого конкретного этапа свойственны определенные и присущие только ему особенности. При таком условии мы поймем диалектику процесса формирования исторического мышления.

Как бытующий в науке об истории термин «романтический историзм», так и термин «просветительский историзм», конечно, носит условный характер. И в том и в другом случае не идет речь о какой-то школе с четко изложенной программой, но обозначается конкретное направление усилий человечества к постижению законов развития истории в разные эпохи.

Историзм начинается с преодоления (в той или иной степени) метафизического подхода к истории, т. е. преодоления такого взгляда, когда отдельное событие рассматривается обособленно, вне связи с другими, вне процесса и развития, как проявление случайности и т. д. Историзм означал рождение нового взгляда на события прошлого. Он отстаивал принцип постоянного измене-

ния, развития и совершенствования общества. Историзм делал возможным понимание места каждого народа в прошлом человечества, своеобразия культуры каждой нации, он приоткрывал будущее, устанавливал связь современности с прошлым, которое ее подготавливало.

Кстати, термин «просветительский историзм» был уже употреблен в нашей науке при характеристике исторических взглядов автора «Духа законов». Имя Монтескье названо не случайно. Именно в его популярнейшей в XVIII в. книге государство рассматривалось с исторической точки зрения как закономерно возникший и развивавшийся социальный организм. Современный уровень и степень изученности Просвещения позволяет в термине «просветительский историзм» аккумулировать то новое, что появилось у самих просветителей в понимании истории, что способствовало преодолению механистичности их философии истории.

Для того чтобы понять особенности и своеобразие начального этапа формирования исторического взгляда на историю — просветительского историзма, необходимо кратко охарактеризовать созданную просветителями философию истории.

2

Век Просвещения явился крупной вехой в развитии исторической науки. Великие французские просветители выступили революционно, подвергнув беспощадному суду не только существовавший феодальный режим, но и все унаследованные от прошлого воззрения (на общество, природу, историю), которые были отвергнуты как неразумные. Была отвергнута и религиозная концепция истории, господствовавшая многие века. Решительно преодолевая влияние священной истории, просветители создали гражданскую историю, историю цивилизаций, культур, государств и народов. Ими была разработана *философия истории* (термин Вольтера), в основе которой лежала идея прогресса в истории и единство исторического процесса.

Исследователь Гердера В. М. Жирмунский писал: «Эпоха Просвещения выдвинула идею единства исторического процесса и прогресса в истории; на место старой религиозной концепции истории как осуществления плана „божественного спасения“ рода человеческого она поставила вопрос о закономерности общественного развития и ее материальных факторах — в наивной форме так называемого „географического материализма“ (учение Монтескье о зависимости общественного устройства от «климата», т. е. от совокупности физико-географических факторов)».[4]

Идея прогресса определяла важную и высокую общественную

---

[4] *Жирмунский В. М.* Жизнь и творчество Гердера. — В кн.: *Гердер И. Г.* Избр. соч. М.; Л., 1959, с. XLV.

роль исторических сочинений, само развитие исторической науки. Прошлое могло объяснять настоящее. Вот почему XVIII век стал веком бурного развития интереса к истории у широких кругов читателей, веком создания капитальных сочинений по истории — в Англии, Франции, Германии и России — и многочисленных работ, посвященных проблемам теории и философии истории, среди которых особое место занимали статьи, печатавшиеся в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера.

Современный исследователь так характеризует исторические воззрения энциклопедистов: «Задача науки истории и просвещенного историка состоит в том, чтобы дать обществу картину прошлой жизни и тем самым наметить цель дальнейшего движения исторического процесса. Для энциклопедистов эти цели заключались в преобразовании общества ради достижения счастья людей. Поэтому руководящим началом в их философии истории была идея прогресса. Она освещала не только прошлое, но и будущее. В соответствии с ней энциклопедисты строили периодизацию истории».[5]

Интерес русских людей к истории родины, к прошлому русского народа был обусловлен событиями общественной жизни начала XVIII в. Время преобразований требовало и создания мощного духовного и нравственного потенциала, мобилизации внутренних ресурсов нации, концентрации того многовекового ее опыта, который накопился со времен отражения далеких набегов кочевников на русскую землю, в борьбе за единство государства и в низвержении монголо-татарского ига. В петровский период и происходила аккумуляция «духа» и нравственного опыта нации и новое обогащение этого духа и опыта в процессе осуществления громадных планов преобразования России, итогом которых явилось историческое самоутверждение народа, глубоко верящего в свое будущее. Закономерно в этих условиях стал развиваться интерес к прошлому России, к героическим страницам ее истории, к историческому объяснению и обоснованию проходившего на глазах у всех «великого метаморфозиса», бурного развития чувства национальной гордости и патриотизма.

Необходимость осмысления истории своего отечества остро осознавалась уже Петром I. То, что делалось сейчас, должно было связать с прошлым. Отсюда стремление Петра дать россиянам краткую историю России. В 1708 г. по его приказу Федор Поликарпов принялся сочинять книгу «от начала княжения Василия Ивановича до последнего времени». Автор был выбран неудачно, книга не получилась. Второй опыт увенчался успехом: А. Манкиев представил нужную книгу «Ядро Российской истории». Петр I требовал собирать по монастырям летописи, вынашивал идею создания большого труда по истории России, веря, что не

---

[5] *Люблинская А. Д.* Историческая мысль в Энциклопедии. — В кн.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. М., 1978, с. 245.

иностранцы, а только сами русские смогут создать настоящую и подлинную историю отечества.

«Поднимающаяся нация», утверждая себя во всемирных деяниях, стремилась прочно опереться на свой исторический опыт. Так естественно возник вопрос о возрождении славных традиций прошлого, того, что было предано забвению. Эта потребность удовлетворялась и художественной литературой (например, поэтическое творчество Ломоносова и трагедии Княжнина) и многими историческими сочинениями. Несомненно, идейные позиции и цели исторических писателей были различны, неодинаковыми были и результаты их деятельности. Но важно помнить, что на протяжении века выходили исторические труды, шел бурный процесс собирания ценнейших документов, разрабатывались теоретические проблемы истории. Читатель получал труды Ломоносова и Татищева, Щербатова и Болтина, Голикова и Туманского. Серьезной разработкой исторических проблем и собиранием документов занимались Миллер и Шлоссер. Важный вклад в изучение истории России сделали писатели — Радищев, Новиков, Муравьев и, наконец, Карамзин, автор громадного сочинения — «История государства Российского».

Нараставший из десятилетия в десятилетие интерес к русской истории привел к тому, что ею стали заниматься сотни людей. По свидетельству современного исследователя, «историческая наука создавалась не только ее корифеями, но и тысячами различных людей — историками и неисториками, писателями и учеными, лицами гражданского, военного и духовного звания, переводчиками и издателями, разрабатывалась в Москве и Петербурге, Оренбурге и Архангельске, Казани и Астрахани, в Сибири и на Украине и в других центрах России».[6]

Особое внимание к истории отечества проявляли русские писатели. Они тщательно изучали летописи, собирали документы, публиковали их и обращались с призывами к соотечественникам спасать от гибели драгоценные свидетельства о прошлом России и ее замечательных деятелях. Особо велики заслуги по собиранию исторических материалов Н. Новикова, Ф. Туманского, И. Голикова. Характерным образчиком таких постоянных «воззваний» к читателям служит, например, призыв, напечатанный в журнале «Российский магазин»: «Любезные соотчичи! позвольте воззвать вас к открытию многих сокрытых источников, нужных к познанию России, драгоценного отечества нашего: потрудитесь ко благодарности современников и потомства извлечь из тьмы, а может быть, и от гибели сохранить многие бумаги, относящиеся к гистории церьковной, гражданской, естественной, к географии, к повестям, нравоучению, хозяйству, домостроительству, военному бывшему образу, обрядам, памятникам, редкостям, произведениям торговли, художествам, ремеслам, добродеяниям частных людей

---

[6] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971, ч. 3, с. 77.

и существовавшим где-либо заведениям, наукам, рукоделиям, службе разных родов, и проч. и проч.».[7]

Исторические сочинения русских писателей — Радищева, Новикова, Туманского, Муравьева (большие работы и отдельные статьи и заметки по общим и частным вопросам) опирались на летописи, на различные документы, уже опубликованные или самими авторами собранные. В то же время все написанное ими об истории вообще и России в частности было обусловлено просветительской философией. Они не только знакомились с трудами английских историков или французских просветителей, но пропагандировали их, переводя и публикуя или отдельными книгами, или в виде статей в журналах, а иногда и спорили с отдельными авторами (Вольтером, Руссо, например).

Теория прогресса чаще всего и наиболее эффективно трактовалась и усваивалась как идея развития. Пожалуй, это была самая популярная идея века. Она покоряла умы, управляла мышлением, определяла разыскания по истории, способствовала пониманию прошлого и настоящего, помогала рождению исторического представления о культуре человечества, о совершенствовании науки, литературы, искусств.

Идея развития была девизом рождавшейся новой философии не только истории, но и жизни, она обещала раскрытие многих тайн бытия. Вот почему в журналах и книгах писали о развитии культур, наук, искусства, общества, просвещения и нравов. Литература начала рассматривать человека в динамике, учила ценить мгновение бытия как момент быстротекущей, развивающейся и меняющейся жизни. Появилось острое ощущение времени в его объективном и субъективном плане. Муравьев в 1778 г. писал сестре из Петербурга: «Время течет; останавливай его. Всякая минута, которую в свою пользу употребишь, не вечно для тебя пропала. Чувствуй свое бытие».[8] В статье «Дщицы для записывания», опубликованной Новиковым в «Утреннем свете» (1778, IV), Муравьев делился своим размышлением: «Считай мгновения: каждое приходило к тебе, способно поместить доброе дело. Сколько уже повергалось их в бездну вечности! Тебе уже осталось мгновение жить». Подобные же представления определяли категорию времени в лирике Муравьева. В стихотворении «Роща» читаем:

К приятной тишине влечется мысль моя,
Медлительней текут мгновенья бытия.

Г. А. Гуковский обратил на это внимание, указав, что главное в этом стихотворении «утверждение субъективности времени как философской категории. Время становится формой восприятия мира, а не объективным фактом».[9] Это справедливо. Но возможность утверждения субъективного времени в нравственном мире

---

[7] Российский магазин, 1792, ч. 1, с. 545—546.
[8] Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980, с. 280.
[9] *Гуковский Г. А.* Очерки русской литературы XVIII века. Л., 1938, с. 283.

личности была порождена объективным фактом рождения идеи развития, пониманием течения времени.

Идея развития позднее будет определять стихотворение Радищева «Осмнадцатое столетие». В оде «Вольность» говорится о развитии общественного строя в государствах как «законе природы», делается «прорицание» о будущем «жребии отечества», когда «человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... И власть приведена будет в трепет»... «Мрачная твердь» рухнет и «вольность воссияет».[10]

Именно просветители, и прежде всего французские, способствовали широкому, всеевропейскому распространению идеи развития. Она не только распространялась, но и разрабатывалась учеными и писателями разных стран, применялась и к сфере мышления человека, и к культуре, и к природе, и, наконец, к обществу. Закономерно, что обстоятельства общественного бытия различных стран, с одной стороны, индивидуальность писателей и ученых — с другой, обусловливали направление и характер разработки идеи развития.

А. В. Гулыга прослеживает становление идеи развития и ее дальнейшую разработку у Гердера. В 1760-е годы Гердер попытался идею развития «приложить к изучению поэзии — вида искусства, который был ему особенно близок» («Опыт истории поэзии», 1766—1767). Затем он занимается историей возникновения языка и, связав его с развитием культуры, «ставит вопрос о преемственности в развитии культуры». Исследователь показывает постепенное расширение сферы применения идеи развития: «Идея развития, зародившись первоначально как мысль о естественном происхождении поэзии, языка и мышления, постепенно распространяется Гердером на природу и общество. Конечно, это еще лишь смелые догадки, заключенные подчас в богословскую и даже мистическую оболочку».[11]

В России так сложилось, что идея развития была применена к проблеме социальной, к вопросу происхождения крепостного права. Опиралась эта идея на документ. В. Н. Татищев обнаружил, откомментировал и представил в Академию наук еще в 1739 г. «Судебник» Ивана Грозного. Впервые он был издан только в 1768 г. Второе издание вышло в 1786 г. благодаря стараниям Н. Новикова. Изучение исторического документа XVI в. позволило сделать вывод, что крепостное право существовало не вечно, что «до царя Федора Ивановича были все крестьяне вольные» и только Борис Годунов в 1592 г. вольность эту «отнял и учинил крепостными».[12]

---

[10] *Радищев А. Н.* Избр. соч. М.; Л., 1952, с. 174.

[11] *Гулыга А. В.* Гердер и его «Идеи к философии истории человечества». — В кн.: *И. Г. Гердер.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 615, 618.

[12] *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. М., 1861, с. 760.

«Судебник» вышел в год, когда в Комиссии о сочинении Нового уложения разгорелись споры по крестьянскому вопросу. История приходила на помощь современности — она свидетельствовала, что крестьяне много веков были вольными, а при Борисе Годунове началось закрепощение и оно продолжалось многие десятилетия. Никакого закона, оправдывающего введение крепостного права, не существовало. Демократические депутаты в Комиссии не посмели поставить вопрос о ликвидации крепостного права — они требовали вмешательства власти в отношения помещиков и крепостных, поскольку никаких законов о закрепощении не было, требовали законов, хотя бы ограничивающих права дворян и защищающих «питателей отечества».

Споры в Комиссии по крестьянскому вопросу, а потом восстание под руководством Пугачева способствовали распространению идеи развития на социальные отношения России. В 1788 г. И. Н. Болтин, стремясь объяснить происхождение крепостничества, выдвинул так называемую «бытовую» концепцию. «Нет закона, делающего лично крестьян помещикам крепостными; обычай мало-помалу введенной обращать их в дворовых людей, прямо в противность уложенные статьи о сем, и под названием дворовых продавать их поодиночке сначала был терпим, послабляем, превратно толкуем, обратился наконец, через долговременное употребление, в закон».[13]

При всей социальной несостоятельности этой концепции не следует забывать главного в ней — она подчеркивала беззаконность рабства в России. Беззаконность оправдывала борьбу народа за отнятую помещиками свободу, она позволяла Радищеву показать современные результаты угнетения крестьян помещиками.

Идея развития красной нитью проходит через философские, критические и исторические сочинения Новикова и Карамзина, она определяет образ мышления самых различных писателей. В идее развития, может быть, ярче всего отражались грозные сполохи народных мятежей, восстаний и революций, потрясших мир в последнюю треть XVIII века. Идея эта объясняет американскую революцию 1776—1783 гг. в книге Рейналя, в оде Радищева «Вольность», в статьях, посвященных этому событию и напечатанных в новиковском издании «Прибавление к „Московским ведомостям“». С тех же позиций будет оцениваться и французская революция Карамзиным. О «развитии» постоянно говорилось в статьях «Московского журнала».

Видимо, оттого это слово так и пугало Шишкова, что он счел нужным призвать соотечественников отказаться от этого термина, забыть его и пользоваться другим, старорусским словом, которое не таило в себе опасных ассоциаций, — «прозябать».[14] Свое пред-

---

[13] Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788, т. II, с. 211.
[14] Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803.

ложение он пытался филологически обосновать. В русском языке есть глагол — «развить», «развивать» (противоположное — «свивать»), который означал действие: раскручивать, расплетать, развивать свитую веревку. Использовалось это слово и в переносном смысле: «силы у него еще не развились».

Но в литературе конца 1790-х и 1800-х годов утвердилось новое значение старого слова — обобщенное, абстрактное — *развитие*. Это и рост, и переход из одного состояния в другое, и движение по восходящей, от низшего к высшему. Во французском языке существует слово для выражения идеи роста — developpement. Потребность в новом термине в связи с концепцией прогресса в истории привела к приспособлению старого слова для выражения нового смысла. Термин *развитие* наполнился новым содержанием, он стал способен раскрывать философский смысл идеи прогресса.

Все это вызывало протест Шишкова. Он сознательно (а может, по ошибке) «новомышленное слово» «развитие» толкует как перевод ««французского глагола developper», что означает: развернуть (газету, журнал), развивать (тело, мускулы). Возводя ненавистный ему новый термин «развитие» к глаголу developper вместо developpement, Шишков издевается над «неграмотным» и, как ему кажется, недопустимым употреблением его как «развитие» в обобщенном значении. Цитируя песню «Ты развейся, камка хрущотая», он заключал: «Здесь развитие камки я понимаю; но чтоб постигнуть *развивание понятий*, признаюсь, что на этот раз ум мой не „*развивается*“ и остается тем же „*свитым*“, как прежде был». Чтобы избавиться от неугодного слова, Шишков предлагает вместо «развиваться» в приводимой им фразе («развивались первые мои метафизические понятия») употреблять «прозябать» («первые мои метафизические понятия прозябали»). Глагол этот Шишков превозносит, именует «прекрасным и многозначущим», поскольку он передает разные смыслы: и «делать землю плодородною», и «производить одну какую-либо вещь из другой какой-либо вещи», и «произрастать, исходить из земли или из чего иного».[15] Но, несомненно, главное достоинство глагола «прозябать» для Шишкова заключалось в том, что он начисто лишен был способности выражать современное и грозное содержание идеи развития.

3

Просветительской концепции прогресса в истории как развития по восходящей линии от низшего к высшему противостояла в XVIII в. теория круговорота, выдвинутая итальянским философом и социологом Д. Вико. Как и просветители, Вико опровергал теологическое понимание истории; в своем главном произведении «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) он развернул учение о цикличности развития человеческого общества. Согласно Вико, общество проходит стадию детства (период бо-

[15] Там же, с. 296, 300—303.

гов), юности (героический период) и зрелости (человеческий период), в котором и живет современное человечество. «Человеческий период» — высший, после него общество начнет разрушаться, и человечество вновь перейдет к первобытному состоянию.

Радищев так передает суть этой исторической концепции: «Читая историю всех времен и всех столетий и видя, что все бывшие царства подвержены были переменам и переходили из хорошего в худое состояние и из худого в хорошее и, продолжавшись многие столетия, рушились. Я думал, что и всякое государство будет тому ж подвержено. . .».[16]

Несмотря на пессимизм, теория Вико сыграла свою роль в выработке исторического мышления, поскольку главное в ней — учение о развитии, которое определяется объективными законами, свойственными человеческому обществу. Общество все время меняет свой облик, поскольку в нем беспрестанно происходит столкновение различных социальных групп, идет борьба за власть и собственность. Именно в утверждении, что существуют объективные законы исторического развития общества, — главная ценность концепции Вико, ее значение для становления исторической науки.

Просветительская концепция прогресса в истории настоятельно требовала выяснения причин развития, постижения движущих сил истории, открытия общих законов, действующих в истории человеческого общества. Но философия истории просветителей (как и философия природы) оказалась не способной увидеть действительную связь исторических событий и открыть общие законы развития. Потребность же в постижении этих закономерностей была, и она удовлетворялась привнесением в историю тех или иных любимых философом или историком идей. Обусловливалось данное положение многими обстоятельствами, в том числе и идеализмом в понимании истории и метафизичностью мышления, которое рассматривало вещи и их умственные отражения, понятия в своей обособленности.

Преодоление метафизического мышления, отказ от идеалистического понимания истории и торжество диалектики и материализма осуществлялись на протяжении многих десятилетий, и окончательно завершился процесс только в XIX в. Но началось это преодоление в эпоху Просвещения. Идея развития оказалась ариадниной нитью, которая помогла человечеству выйти из тьмы и хаоса прошлого, объяснить и сегодняшний день прошлым, установить связь времен, т. е. выдвигала мысль о действовании в истории неких общих законов. Оттого вторая половина XVIII в., и особенно последняя его треть, ознаменовались напряженными поисками человечеством этих тайных, но неумолимо действующих законов развития общества. Поиски не оказались безрезультатными — из десятилетия в десятилетие росло число догадок, пред-

---

[16] *Радищев А. Н.* Избр. соч. М.; Л., 1949, с. 679.

положений, прорывов в метафизическом мышлении и выходов к диалектике. На этом фундаменте и складывался просветительский историзм, вооружавший не только историков, но и философов, и социологов, и особенно писателей.

Литература начинала новый этап своей истории. Теория Вико получала отклик у тех просветителей-писателей, кто уже непосредственно закладывал основы историзма, — Гердера и Радищева. Маркс ценил сочинение Вико и видел в нем «немало проблесков гениальности».[17] Такими проблесками и были догадки, помогавшие преодолению метафизического мышления. Их видели, понимали, усваивали и другие мыслители. Радищев, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» так определяет суть установленных Вико объективных закономерностей исторического развития общества: «Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство. . .» [18] Опираясь на положение Вико о существовании объективных законов общественного развития, Радищев, как увидим, смог эти законы открыть в сфере социальных отношений.

В 1748 г. вышла книга Монтескье «Дух законов», ставшая на долгое время программным документом просветителей. Излагая историю различных государств, Монтескье высказывал мысль о закономерности всего существующего. Помимо законов природы, утверждал он, существуют законы, создаваемые людьми, которые неодинаковы у разных народов, они изменяемы по потребностям. Но главное, законы эти определены условиями жизни людей. И в этой связи Монтескье обосновывал огромную роль географического фактора; человеческими действиями управляют климат, религия, законы, правительственные распоряжения, примеры прошлого, нравы и обычаи. Совокупность всех этих обстоятельств и их взаимодействие рождают «дух народа», которому и должны соответствовать устанавливаемые в обществе законы.

Объяснение существования различного типа государств и их политического устройства географическим фактором — наглядное проявление идеализма в понимании истории. Но в то же время теория географического фактора сыграла немалую роль в становлении исторического мышления, поскольку наглядно и убедительно указывала на существование объективных причин развития общества. Закономерно, что Гердер широко использовал в своем понимании истории географический фактор Монтескье. В ряду других факторов называет его и Радищев.

Материалистические догадки в понимании истинных законов общественного развития мы находим в произведениях Дидро, Гельвеция, Руссо. Известно, что Руссо приблизился к подлинно историческому пониманию происхождения неравенства, объяснив его появлением частной собственности. И опять же закономерно,

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 512.
[18] *Радищев А. Н.* Избр. соч. М.; Л., 1952, с. 173. Далее цитируется это издание.

что это отступление от метафизического мышления было замечено и усвоено многими идеологами, и в частности в России Радищевым.

Вот пример его рассуждений о законах развития с опорой на Монтескье и Руссо: «Но если климат и вообще естественность на умственность человека столь сильно действуют, паче того образуется она обычаями, нравами, а первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладию и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель. Какой случай был к изобретению земледелия, определить невозможно... Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и облекши его багряницею, поставил на алтаре превыше всех, воскурил ему фимиам; но наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрал обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого. Так образуют его законы и правление, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий».[19]

Подобное понимание законов общественного развития, «шествия разума человеческого», опирающееся на материалистические догадки или диалектические открытия, блестяще демонстрирует уровень и характер просветительского историзма в последней трети XVIII в. со всеми присущими ему сильными и слабыми чертами.

4

Формированию просветительского историзма способствовали социальные катаклизмы эпохи, революции в Америке и во Франции. Американская революция, прозвучавшая, по словам Маркса, «набатным колоколом для европейской буржуазии»,[20] оказала особо плодотворное влияние на французских, немецких и русских мыслителей, помогая преодолению метафизического подхода к истории. События за океаном не только привлекали к себе пристальное внимание многих народов Европы — они будили мысль, требовали ответа на насущные вопросы политики: чем вызвана эта революция, каким путем народ может добиться желанной свободы, какую роль играет вооруженная борьба народа в освобождении от деспотической власти? Потребность в ответах на эти во-

---

[19] *Радищев А. Н.* Избр. соч., с. 365.
[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 9.

просы вызвала огромную литературу, посвященную американской революции.

Знаменательный пример плодотворного воздействия американской революции на выработку социальной и исторической концепции являет «История обеих Индий» Рейналя. Первое ее издание в 1770 г. представляло собой в основном обстоятельный свод различных сведений об экономике колониальных стран мира. Ее автор ставил задачу показать, что порядки и режим, введенные европейцами в колониях, не соответствуют тем разумным нормам общественного устройства, которые были провозглашены просветительской философией XVIII в.

События американской революции заставили Рейналя решительно обновить свой труд. Вместе с приглашенным Дидро Рейналь фактически переписывает книгу, большое внимание уделяет в ней американской революции, пропагандирует ее опыт, пересматривает в свете крупнейшего события современности многие старые просветительские доктрины, обосновывает новые пути к свободе, исторически объясняет причины революции и тем самым вносит серьезный вклад в формирование просветительского историзма.

Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак, изучавшие Просвещение конца века, опираясь на многочисленные факты, приходят к заключению, «что европейская просветительская идеология претерпела, как раз в период 70—80-х годов, существенную эволюцию в своем содержании». В частности, они обращают внимание на характер переработки «Истории обеих Индий» в ее третьем издании, написанном после начавшейся в 1776 г. американской революции. «Подавляющего большинства революционных идей либо вообще нет в изданиях 1770 и 1774 гг., либо они присутствуют там в зародышевой форме. Так, заключение первого издания глухо предупреждало английских колонизаторов о неминуемой революции, в третьем издании урокам совершившейся революции отводятся десятки страниц. В первом издании любые вооруженные раздоры именовались гражданскими войнами (guerres civiles), теперь этот термин четко противопоставлен термину „распри“ (dissentions). Осторожные намеки первого издания о „поучительности“ событий английской революции дополняются прямыми напоминаниями об эшафотах, воздвигнутых для тиранов-королей... В первом издании Рейналь, бичуя работорговлю, обращал к королям призывы „ниспровергнуть здание рабства“, в третьем, почти разуверившись в пользе подобных обращений, он заявляет, что восставшие рабы сами разобьют свои цепи. И хотя в последнем, третьем, издании сохраняются прежние, а порой вводятся и новые почтительные обращения к монархам, однако не они задают тон. Идея революции становится лейтмотивом произведения».[21]

---

[21] *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, с. 101—102.

Эволюция социально-политических убеждений обусловливала появление нового подхода к истории, приводила к отступлениям от метафизического рассмотрения явлений прошлого. Потому справедлив вывод Карякина и Плимака, что в третьем издании «Истории обеих Индий» имеются «признаки конкретно-исторического подхода к общественным явлениям», «отдельные элементы историзма». Правда, эти элементы историзма «не мешали Рейналю в любом месте, безотносительно к уровню развития изучаемой страны, рассматривать ее порядки в свете абстрактных принципов „природы", „естественной справедливости" и т. п.».[22]

И все же появление «элементов историзма» знаменательно. Сочинение Рейналя и Дидро — важнейший идеологический документ, зафиксировавший на конкретных примерах истории разных стран преимущества нового понимания истории, вскрывший объективные закономерности общественного развития. В этой связи необходимо обратить внимание на глубокую зависимость появления «элементов историзма» от учета опыта происходившей на глазах просветителей революции. А интерес к революции и стремление обобщить ее опыт в свою очередь определяли появление недоверия к концепции просвещенного абсолютизма, рост скептического отношения к центральной политической доктрине просветителей.

Известно, что в конце жизни это скептическое отношение характеризует убеждения Гельвеция. Не менее красноречива эволюция взглядов Дидро. Веруя в огромные возможности преобразования страны волею просвещенного монарха, он принял приглашение Екатерины II и приехал из Парижа в далекий Петербург. Беседы с императрицей огорчили философа, но они не поколебали доктрины просвещенного абсолютизма, которую он исповедовал. Уехав из Петербурга в 1774 г., Дидро, остановившись в Гааге, еще раз перечитал «Наказ» Екатерины II «с пером в руках». Так появились его «Замечания на „Наказ"». Само составление «Замечаний» продиктовано все тем же намерением «учить царствовать» философа на троне. При их написании он был свободнее и искреннее, чем во время бесед с императрицей в Петербурге. Оттого в «Замечаниях» много горьких упреков.

Уже во «Вступлении» он констатировал: «Русская императрица, несомненно, является деспотом». И тут же выступал с советом: «...отказаться властвовать по произволу — вот что должен сделать хороший монарх, предлагая Наказ своей нации, если только монарх столь же велик, как Екатерина II, и столь же враждебен тирании, как она». Право советовать обусловливалось верой: «Если, читая только что написанные мною строки, она обратится к своей совести, если сердце ее затрепещет от радости, значит она не пожелает больше править рабами».[23] Свои суровые

---

[22] Там же, с. 97.
[23] *Дидро Д.* Собр. соч. в 10-ти т. М., 1947, т. X, с. 419—420.

«Замечания» Дидро, видимо, не отважился послать Екатерине II. Но они попали к ней после смерти философа. И ее сердце действительно «затрепетало», но не от радости, а от возмущения, и сокровенные мысли Дидро она назвала «лепетом» («Это сущий лепет, в котором нет ни знания вещей, ни благоразумия, ни предусмотрительности» [24]).

Через несколько лет после посещения Петербурга Дидро, осваивая опыт американской революции, в третьем издании «Истории обеих Индий» возлагал надежды на обретение народом свободы не на просвещенного монарха, а на сам народ, на его вооруженную борьбу. Хотя и в этой книге рудименты концепции просвещенного абсолютизма сохранились.

Ту же закономерность в ее более последовательном проявлении мы видим на примере формирования убеждений Радищева. В начале 1780-х годов Радищев уже стоял на позициях революционных — обоснование этой позиции мы находим в оде «Вольность», писавшейся в 1781—1783 гг. Идея революции извлекалась из опыта истории английской и американской революций. Революционные убеждения и обусловили историчность мышления Радищева. Оттого ему оказалась чуждой концепция просвещенного абсолютизма. Она отсутствует в оде «Вольность». Она развенчана в «Письме другу, жительствующему в Тобольске» (1782), на примере деятельности просвещенного монарха Петра I.

Возможность создания концепции просвещенного абсолютизма предопределялась в конце концов антиисторизмом просветителей. Рождение «элементов историзма» разрушало доверие к этой доктрине. Следует внимательно изучать факты преодоления философами или писателями надежд на просвещенного монарха. Несомненно в таких случаях мы обнаружим и преодоление метафизического мышления, и прорыв к историзму. Эта закономерность будет действовать и в позднейшие эпохи, когда историзм победит. Судьба Пушкина после 14 декабря 1825 г. это подтверждает: появление надежды на Николая I как возможного просвещенного монарха сопровождалось отказом от историзма («Стансы», «Полтава»). Возвращение в 1830-х годах на позиции историзма, углубление и обогащение его помогло не только преодолеть веру в просветительскую доктрину, но и художественными средствами раскрыть ее несостоятельность («Медный всадник», «Анджело»).

События американской революции вызвали глубокий интерес в России. Общеизвестно, какие теоретические выводы из ее опыта и тех обобщений, которые были в книге Рейналя «Revolution de l'Amerique», сделал Радищев в оде «Вольность». За борьбой американского народа следили широкие круги читателей грамотной России. В значительной мере этот интерес удовлетворял Нико-

---

[24] Сб. Императорского русского исторического общества, СПб., 1878, т. 23, с. 373.

лай Новиков своей газетой «Московские ведомости» и журналом «Прибавление к „Московским ведомостям“».

Крупнейшее политическое событие XVIII в. наглядно раскрывало роль народа в истории, в изменении несправедливого социального и политического строя: простые земледельцы, вооружившись, отстаивали свои права, свою свободу, свою собственность. Более того, в огне революции проверялись различные исторические и социологические концепции. Всем становилось ясным — должно изучать опыт революций. Вот почему высоко ценилась «История обеих Индий» (третье издание, вышедшее в 1780 г.). Обобщался опыт революции и в отдельной книге «Американская революция» (1781), составленной из отдельных глав «Истории обеих Индий».

Н. И. Новиков на протяжении нескольких лет сообщал в своей газете русским читателям подробный ход событий за океаном. В 1783 г. после победы американской революции он поместил серию биографий крупнейших просветителей и деятелей революции — «Примечания о некоторых славных людях нынешнего столетия, взятые из одного новейшего французского сочинения», в котором определялись их заслуги перед человечеством. Уже в этом проявилась замечательная мысль о роли философов и писателей в общественной жизни. Важно и то, что данные биографии, появившись во Франции, немедленно стали достоянием русской публики. Это наглядный пример осознания общности стремительного процесса познания настоящего и прошлого.[25]

Сначала шли биографические очерки, посвященные Монтескье, Вольтеру, Руссо, Бюффону. В последующих номерах газеты печатались «Примечания» к биографиям Рейналя, Франклина, Адамса, Вашингтона. Характерно определение заслуг Рейналя: «Он приобучил народы размышлять о своих важнейших интересах». Трудно точнее определить смысл деятельности историографа американской революции — «приобучать народы» (не царей!) думать о своих интересах, опираясь на опыт американского народа. То же делал и Радищев в оде «Вольность». Рассказывая о победе вооруженного народа за океаном, он заявлял:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил...

Пример этот прежде всего оказал огромное влияние на характер исторических воззрений в последние десятилетия XVIII в. Французский автор биографий «славных людей нынешнего сто-

[25] Подробнее об этом см.: *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1951, с. 369—397.

летия» в своих лаконичных очерках демонстрировал новое понимание истории. В этом отношении заслуживает особого внимания «примечание» к биографии Вашингтона. Это миниатюрный трактат на тему: каковы условия победы восставшего народа. Изучение прошлого и опыта американской революции позволяло сделать следующий вывод: в двух случаях народное восстание не достигает цели. Во-первых, «когда народ возмущается и выбирает себе предводителей, которые не питают в себе того же духа вольности, коим он оживлен, то они пользуются сим случаем для угнетения его, и тогда он (народ, — *Г. М.*) переменяет только цепи, нимало не облегчающие его неволю». Во втором случае — «равным образом, когда и предводители возбуждают народ к бунту и когда он (народ, — *Г. М.*) не предвидит для себя от того таких же выгод, каких они (предводители, — *Г. М.*) ожидают, то он весьма скоро скучает смятением и возвращается незапно к своему естественному игу, в таком случае возмущение учиняется одним только волнением».[26]

Подобное размышление проникнуто духом историзма, оно объясняет то, что в прошлом казалось непонятным. Американская революция продемонстрировала те условия, которые ведут к победе: «Но когда народ и его предводители ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями, то первое волнение соделывает совершенную перемену; в таком случае целая нация составляет одну глыбу, которая подавляет все своею тяжестью и величиною, которым ничто сопротивостать не может».

К тем же по сути выводам приходит и Радищев. Описывая действие революционной армии, он подчеркивает единство интересов вооруженного народа и его вождя Вашингтона:

Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится, —
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О, воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

«Приобучал» размышлять над своими интересами русских людей и Новиков, выступая как автор статей по истории и публикатор исторических документов. В своей работе «О торговле вообще» (1783) он широко использует различные европейские источники — «Трактат о правительстве» Локка, экономические сочинения Юма, труд Рейналя. При этом одной из постоянных тем новиковского сочинения является тема революций. Так, например, вслед за Рейналем, но по-своему, он рассказывает историю независимости Голландии. Главу в своей работе он начинает с описания голландской революции: «С новою силою возбудился

[26] Московские ведомости, 1783, № 71.

дух торговли на севере. Народ, давно уже упражнявшийся в торговле, народ, которому натура определила быть торговым народом по выгодному положению его земли, по предприимчивому его духу, по умеренной жизни, *голландцы*, лишены будучи безрассудным тираном своих вольностей и через то успеха прежней их торговли, единственного их пропитания, осмелились, наконец, по выражению одного новейшего писателя, переломить железный скиптр, их угнетавший, и поднять главу свою из вод, дабы владычествовать над морями».[27]

Пропаганда права на сопротивление угнетению, на революцию, в ходе которой будет «преломлен железный скиптр» тирана, угнетавшего народ и лишавшего его вольности, опиралась на реальный опыт истории. Теория «общественного договора» абстрактно допускала право народа на восстание против монарха, нарушившего свои обязанности. Руссо указывал, что народ соглашается подчиняться законам, отказывается от части своих прав, но делает он это для того, чтобы правитель, государь, которому он себя подчиняет, употреблял свою власть в его пользу. Поэтому, когда государь не будет соблюдать этого безмолвного договора, народ эту власть «может ограничить, изменить, отнять, когда ему угодно».[28]

При этом Руссо не призывал к революции и полагал, что оружие в руках угнетенных может быть опасно для государства. Только после американской революции абстрактная теория общественного договора и естественного права приобрела совершенно другое звучание. Рейналь и Дидро сделали эти выводы. История начала освещаться новым светом. Этот свет доходил и до России.

5

Преодоление просветителями канонов «священной истории» способствовало сосредоточению интереса на истории государств, цивилизаций и культур. За столетие появилось множество самых разнообразных и интересных работ, посвященных не только древним цивилизациям — Греции и Риму, но истории современных европейских стран. В частности, в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера печатались очерки по истории почти всех европейских стран и народов. Тем самым уже в таком подходе содержалась возможность сосредоточиваться на выяснении национального своеобразия культур, государственного устройства, быта, нравов отдельных народов. Внимание историков к прошлому данной страны, данного народа, собирание документов, различных материалов неизбежно вело к постановке вопроса о национальном характере, об особенностях и своеобразии культуры, искусства, языка данного народа.

Во второй половине XVIII в. эта проблема стала актуальной, ею занимались в ряде стран, в частности в Германии и в России.

[27] *Новиков Н. И.* Избр. соч. М.; Л., 1951, с. 528.
[28] *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М., 1938, с. 49.

Разработка вопросов специфики национальных культур с небывалой интенсивностью вела к преодолению метафизического мышления, к выработке подлинно исторического понимания прошлого. Огромная роль в изучении национальной специфики культур принадлежит Гердеру. Принципиально новым «в историческом мировоззрении Гердера было понимание исторического и национального своеобразия „времен и народов". Национальной культурой данного народа в свою очередь обусловлены его язык, искусство и поэзия как выражение его сознания и национального характера».[29]

Понимание исторического и национального своеобразия «времен и народов» приводило к изучению индивидуальной культуры каждого народа и открытию его способностей к эстетическому, художественному творчеству. Оттого искусство для Гердера не есть проявление образованности господствующего класса — народ сам создает художественные ценности. Искусство, творимое образованными, оказывается внутренне связанным с тем, что создает народ, оно есть выражение мыслей и чувств народа.

В 1773 г. Гердер опубликовал статью «Извлечение из переписки об Оссиане и песнях древних народов» в сборнике с характерным названием «О немецком характере и искусстве». «Для Гердера существование „Песен Оссиана" было прежде всего доказательством, что способность к поэтическому творчеству есть общее достояние всех народов, не только народов „классических", но также „диких" народов Севера, и что может существовать идеал прекрасного в поэзии, отличный от древних греков и Гомера». «Подобно Гомеру, Оссиан для Гердера — народный поэт».[30]

Интерес к Оссиану захватил многие европейские страны, в том числе и Россию. В каждой из них в последнюю треть XVIII в. и первые десятилетия XIX в. появлялось множество переводов и подражаний Оссиану. Русский оссианизм изучен слабо. В то же время его исследование должно расширить наши представления о росте исторического понимания прошлого.[31]

В том же 1773 г. Гердер начал подготавливать к изданию сборник народных песен. Издан он был в 1778—1779 гг. Сборник носит универсальный характер — в него вошли главным образом немецкие и английские старинные песни; включено было несколько испанских (в переводе самого Гердера), старых и новых французских и итальянских песен. Вошли в сборник и отрывки из Оссиана, также в переводе Гердера. Не сумев найти русских песен, Гердер опубликовал песни литовцев, латышей и эстов, с которыми он познакомился во время жизни в Риге. Но, пожалуй, главной и принципиальной особенностью сборника являлось

---

[29] *Жирмунский В. М.* Жизнь и творчество Гердера, с. VII.
[30] Там же, с. XXIX.
[31] См.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе. (Конец XVIII—первая треть XIX века). Л., 1980.

включение в него наряду с народными песнями стихотворений (или песен) известных авторов, живших давно, — Лютера, поэтов XVII в. и современных, в частности Гете (баллада «Рыбак»). Несмотря на некоторую расплывчатость понятия, введенного Гердером (в предисловии и самом сборнике — «народные песни», Volkslied), эта книга явилась событием в литературном движении не только Германии. Она давала четкое представление о глубоких связях народной и индивидуальной поэзии, вызывала интерес в каждой стране к собственной народной поэзии.

Сборник Гердера, его статьи о национальном и народном искусстве оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие историко-литературной науки и выработку исторического взгляда на процветание и развитие национальной поэзии. Но проблема национальная была уже поставлена в порядок дня перед всеми странами. Поэтому в одних случаях на формирование новых представлений о национальном искусстве как выражении национального характера и народного самосознания в той или иной стране оказывали влияние работы Гердера. В других случаях подобные или схожие идеи, аналогичные поиски возникали самостоятельно, независимо от Гердера. Данное обстоятельство — еще одно свидетельство общеевропейской разработки актуальных вопросов истории во второй половине XVIII в. Догадки, основанные на диалектическом подходе к прошлому, прорывы к историзму были свойственны ученым, философам, писателям разных стран, и в частности Франции, Германии и России.

Вот почему интерес к фольклору, его пропаганду мы наблюдаем в России уже в первые десятилетия XVIII в., а в 1760-е годы этот интерес приобретает принципиально новое качество. И связано это с деятельностью просветителей. Долгое время в фольклористике господствовало антиисторическое представление о враждебности просветителей к фольклору. Вот как мотивировалась и объяснялась эта враждебность: в представлении просветителей произведения народного творчества «неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками; борьба с последними включала поэтому в свою орбиту народное творчество целиком. Борьба за прогресс и культуру кажется несовместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами. Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурья и невежества, а потому вызывали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение».[32]

Несомненно, представление об отрицательном отношении просветителей к фольклору является легендой — факты ей решительно противоречат. Она родилась на почве отвлеченного абстрактного изучения идеологии Просвещения, тенденциозного и одностороннего подчеркивания ее рационализма, канонизации и

---

[32] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958, с. 80—81.

распространения точки зрения того или иного просветителя на идеологию Просвещения в целом. На это обратил внимание современный исследователь: «Известно также, что некоторые из просветителей заодно с критикой народных суеверий отрицали и народную поэзию, предпочитали ей искусство „цивилизованного“ общества (Вольтер, Тюрго, Гельвеций). Однако если критическое отношение некоторых просветителей к фольклору постоянно подчеркивается исследователями, то горячая симпатия целого ряда деятелей Просвещения к творчеству народных масс в сущности замалчивается, что приводит сплошь и рядом к односторонним характеристикам просветительского фольклоризма».[33]

Условием плодотворного изучения проблемы фольклоризма русских просветителей является конкретно-историческое рассмотрение реального их отношения к народному творчеству, их стремление понять и разгадать национальный русский характер.

Легенда об отрицательном и презрительном отношении просветителей к фольклору, естественно, закрывала путь к осознанию величайшего открытия, сделанного европейским Просвещением, — обоснования исторического и национального своеобразия «времен и народов», которое и создавало принципиально новое понимание фольклора.

Национальные особенности русского Просвещения, формировавшегося во вторую половину XVIII в. в условиях крайне обострившейся социальной борьбы крестьянства со своими угнетателями и прямого выражения народом своих требований — сначала в наказах и речах демократических депутатов, затем в манифестах Пугачева, во многом определили фольклоризм русских просветителей. Особое внимание к фольклору обусловливалось еще и тем интересом к проблемам национального развития России, к национальной сущности культуры, который так характерен для русского Просвещения.

В борьбе за самобытную литературу, по убеждению просветителей, особую роль должен был сыграть фольклор. Отсюда нараставший из десятилетия в десятилетие интерес просветителей к народному творчеству, их практическая деятельность по собиранию и пропаганде песен и пословиц, использование ими поэтического творчества народа в своей работе по обновлению литературы.

Интерес к пословицам закрепился в литературе, начиная с Кантемира. Пословица станет играть важную роль в литературной работе просветителей — Новикова и Фонвизина, а также писателей-демократов — Чулкова и Попова. Особую роль в пропаганде русской пословицы и песни сыграл Николай Курганов. В 1769 г. он издал примечательную книгу — своеобразную краткую Энциклопедию, образец просветительской литературы: «Книга письмовник, а в ней наука российского языка с седмью присово-

---

[33] *Гусев В. Е.* Проблемы фольклора в истории эстетики. М.; Л., 1963, с. 75.

куплениями».[34] «Письмовник» был сделан увлекательной, полезной, нужной читателю книгой — она многократно переиздавалась (в 1818 г. она вышла девятым изданием!).

Два «присовокупления» (первое — «Сбор разных русских пословиц» и пятое — «Сбор разных стиходейств») явились важным событием литературной жизни 1760-х годов. Устную поэзию народа Курганов считает явлением литературы. Он убежден, что песни, пословицы, как и другие жанры народного творчества, создаются по тем же законам, что и письменная литература. Они не порождение народных суеверий и предрассудков неграмотного крестьянина, но особая форма проявления народного самосознания.

Поэзия рождается «от воображения» — поэзия вообще, в том числе и народная.[35] Поэзия, или «словесная живопись», представляет жизнь и дела народа. Вот почему пятый отдел составлен Кургановым из произведений современных поэтов — Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова и др. (напечатаны все без подписи) и народных песен. Как уже говорилось, известный сборник немецкого просветителя Гердера «Народные песни» вышел из печати в 1778 г. (подготавливался с 1773 г.). Курганов уже в 1769 г. выработал такой тип сборника, куда на равных правах входили поэзия народа и произведения лучших русских поэтов. Именно этот принцип будет положен в основу и всех последующих песенников — Чулкова, Новикова, Попова, Дмитриева и др.

Песня и пословица для Курганова — явление искусства, которое помогает узнать жизнь народа, открывает его душу. Пока литература письменная обходит народную тему, народ рассказывает сам о себе. Устная поэзия, заняв место рядом с произведениями письменной литературы, дополняет ее, обогащает новыми темами, эстетическими законами, своеобразием художественного отражения жизни, дум и чувств трудящегося человека. В яркой, эмоциональной и выразительной форме тысяча пословиц, расположенных в алфавитном порядке, рассказывала о народе, передавала отношение человека труда к религии, властям, богатым, характеризовала нравственные устои, обычаи, быт деревни. Но главное — из всех этих пословиц вырастал национальный характер русского человека, полный достоинства, ясного, мудрого ума, немного лукавого и насмешливого, уверенного в себе, исполненного здоровой нравственной силы.

Интерес русских просветителей и, главное, восприятие фольклора как выражения национального самосознания возникали на почве нового понимания каждого народа как исторически фор-

---

[34] См. сб.: Русская литература и фольклор XI—XVIII вв. Л., 1970.

[35] В данном случае Курганов развивает философскую концепцию Ф. Бэкона, утверждавшего, что история относится к памяти, поэзия к воображению и философия к рассудку.

мирующейся и во времени развивающейся индивидуальности. Но поскольку каждый народ живет в особых обстоятельствах и условиях (климат, природа, общественный строй), то и время, в которое происходит его развитие, индивидуально. Оттого судьбы народов различны и не схожи между собой по культуре, творчеству, поэзии.

Время у Гердера становится исторической категорией. Преодолевая механистическое представление об историческом прогрессе, он показывает движение времени не линейное, а по восходящей, когда настоящее не отменяет прошлого, но обобщает его, вбирает его опыт. На этой основе были сформулированы понятия «дух времени» и «дух народа». Представление об историческом развитии, обстоятельно разрабатывавшееся, в частности, на материале фольклора, решительно порывало с механистическим взглядом на историю.

Изучение трудов Гердера и его понимания фольклора поучительно и методологически. Оно не только позволяет ставить вопрос о характере и интенсивности влияния трудов немецкого философа на русских писателей (а его читали очень прилежно и Радищев, и Муравьев, и Карамзин, и Державин, и Жуковский, и многие другие), но и открывает путь к типологическому рассмотрению сходных явлений в русской литературе, дает ключ к пониманию диалектического отношения к просветительской исторической науке.

Исторические взгляды Гердера формировались с учетом достижений просветительской философии истории, и в то же время многое в этой философии истории — то, что было откровенным и однозначным выражением механистической методологии — отвергалось, преодолевалось. Проявлялось это в самых различных областях, например в понимании типов культур, самобытности национальных литератур, «духа времени» и «духа народа», в трактовке античности и средневековья и т. д.

6

Обращение к русской литературе последней трети XVIII в. позволяет познакомиться с многими фактами, свидетельствующими об аналогичном процессе, проходившем в России. Зарождение исторического мышления в работах Гердера оказывается частью и моментом действовавшей общей закономерности, которая определяла направление умов, объясняла начавшийся штурм механистического понимания истории. Именно потому с понятием «духа времени» и «духа народа» мы сталкиваемся в творчестве Державина, Карамзина и Радищева.

Неизученность процесса формирования просветительского историзма в европейских странах (в том числе и в России) в последние десятилетия XVIII в. не позволяет конкретно представить и осознать интенсивность этого процесса, оценить уже достигнутый уровень нового понимания истории и степень влияния рож-

дающихся подлинно исторических представлений на умы современников.

В этом плане заслуживают внимания факты, характеризующие формирование воззрений молодого Карамзина — его творчество 1780-х и 1790-х годов. Прежде всего стоит отметить интерес начинающего писателя к Шекспиру. В 19 лет он задумывает создать «русского Шекспира» — серию переводов его трагедий и комедий на русский язык. Замысел не был выполнен (но он примечателен!), Карамзин перевел только одну трагедию — «Юлий Цезарь», которую со своим предисловием и издал в 1787 г.

Известно, что вопрос о Шекспире в XVIII в. был связан с критикой классицизма, с борьбой за новое искусство. Увлечение Шекспиром вызвало протест классицистов, Вольтера прежде всего, который объявил английского драматурга «варваром и дикарем». Шекспировский вопрос широко обсуждался в европейской литературе. В 1773 г. со статьей о Шекспире выступил Гердер. Он не только пропагандировал великого драматурга, доказывая возможность его перевода на немецкий язык (создание «немецкого Шекспира»), но и со своих исторических позиций объяснял отличие его трагедий от трагедий античных авторов. С изменением условий — политических и национальных, нравов, языка и культуры нельзя более подражать античным образцам. Величие Шекспира в его верности действительности, отсюда его гениальное новаторство, создание новых законов искусства. Статья Гердера имела успех, она оказала влияние не только в Германии (на Гете, Ленца, Шлегеля), но и за ее пределами.

У нас нет данных, подтверждающих, что интерес Карамзина к Шекспиру сложился под влиянием Гердера. Но совершенно очевидно, что стремление создать «русского Шекспира», написание предисловия, в котором давалось объяснение Шекспира в духе времени (с критикой взглядов Вольтера), соотносятся с начавшимся в Западной Европе процессом исторического объяснения Шекспира.

Важную роль в духовном развитии Карамзина сыграло его путешествие по европейским странам в 1789 г. Своеобразный отчет об этом — «Письма русского путешественника» — свидетельствует, что выехавший из России молодой писатель обладал более или менее сложившимся новым пониманием истории, отлично разбирался в современной научной и художественной литературе. Во время путешествия он заезжает в Веймар с целью повидать Гердера, поговорить с автором известных ему трудов. Гердер знакомит его с лирическими стихотворениями Гете и, в частности, читает ему «маленькую пьесу под именем „Meine Göttin“ («Моя богиня»)». Эта богиня — Фантазия, которая понимается поэтом, по словам Гердера, «совершенно по-гречески». Карамзин от себя добавляет: «Гердер, Гете и подобные им, присвоившие себе дух древних греков, умели и язык свой сблизить с греческим и сделать его самым богатым и для поэзии удобней-

шим языком; и потому ни французы, ни англичане не имеют таких хороших переводов с греческого, каким обогатили ныне немцы свою литературу. Гомер у них Гомер; та же неискусственная, благородная простота в языке, которая была душою древних времен, когда царевны ходили по воду, а цари знали счет своим баранам».[36]

Мысль о необходимости при изучении древних авторов, при переводах с греческого учитывать индивидуальные качества и особенности греческой поэзии, порожденные климатом, образом жизни, общественным строем, религией и т. д., принадлежит Гердеру. Знакомство с Гердером позволяло Карамзину говорить о «духе древних греков», который понимали Гердер и Гете.

В письме из Парижа (май 1790) Карамзин рассказывает о русской истории, о русском национальном характере и в этой связи дает критическую оценку книге французского историка Левека «История России» (1782—1783). Левек «унижает Петра Великого», осуждает его за то, что, желая образовать свой народ, подражал другим народам. Карамзин и Левек стояли на разных уровнях понимания истории. Потому, критикуя французского историка, Карамзин высказывает принципиально иной взгляд на характер взаимоотношений культур различных народов: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли б было русским не строить кораблей, не образовать регулярного войска, не заводить академий, фабрик, для того что все это не русскими выдумано? Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*?» Петр I, «рожденный в Европе, где цвели уже искусства и науки во всех землях, кроме русской, [...], должен был только разорвать завесу, которая скрывала от нас успехи разума человеческого, и сказать нам: „Смотрите; сравняйтесь с ними и потом, если можете, превзойдите их!“ Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие *иеремиады* об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении».[37]

Это программное рассуждение — образец исторического взгляда на прогресс в истории, на развитие национальной культуры. И оно не случайно для молодого писателя — он знаком с концепцией Гердера о преемственности в развитии культур, с его учением, что каждый народ усваивает достижения прошлых цивилизаций и развивает, обогащает их. Впервые свою кон-

---

[36] *Карамзин Н. М.* Избр. соч. М.; Л., 1964, т. 1, с. 174—175.
[37] Там же, с. 416—417.

цепцию Гердер высказал в статье «О возрастах языка» (вошла в книгу «Фрагменты о новейшей немецкой литературе», 1766—1768). Она же получила развитие и в капитальном сочинении Гердера «Идеи к философии истории человечества».

Идея развития, прогресса, совершенствования человечества пронизывают многие статьи Карамзина, написанные в 1790-е годы («Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Филалет к Мелодору», «Мелодор к Филалету» и др.). Последнее произведение особо примечательно. Мелодор, впавший в скепсис после утвердившейся во Франции якобинской диктатуры, начинает склоняться к пессимистической теории круговорота Вико. «Ужели род человеческий доходил в наше время до крайней степени возможного просвещения и должен, действием какого-нибудь чудного и тайного закона, ниспадать с сей высоты, чтобы снова погрузиться в варварство и снова мало-помалу выходить из оного, подобно Сизифову камню, который, будучи взнесен на верх горы, собственною своею тяжестию скатывается вниз и опять рукою вечного труженика на гору возносится? Горестная мысль! Печальный образ». Ему отвечал Филалет, вооруженный оптимистической философией истории Гердера: «Мысли твои о вечном возвышении и падении разума человеческого кажутся мне — извини искренность дружбы — воздушным замком; я не вижу их основания. Положим, что в древней Азии были многочисленные народы, но где же следы их просвещения? История застала людей во младенчестве, в начальной простоте, которая не совместна с великими успехами наук. Даже и в Египте видим мы только первые действия ума, первые магазины знаний, в которых истины были перемешаны с бесчисленными заблуждениями. Самые греки — я люблю их, мой друг; но они были не что иное, как милые дети! Мы удивляемся их разуму, их чувству, их талантам, но так, как взрослый человек удивляется иногда разуму, чувствам и талантам юного отрока. Читай вместе Платона и Боннета, Аристотеля и Локка — я не говорю о Канте — и потом скажи мне, что была греческая философия в сравнении с нашею?»

Опровергая концепцию Вико, Карамзин утверждает, что и сейчас, после грозных событий французской революции, действует объективный закон развития, совершенствования разума, культуры, государства: «...веки служат разуму лествицею, по которой возвышается он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно».[38]

Идея развития, прогресса положена Карамзиным в основание оценки величайшего события современности — французской революции, очевидцем которой он стал во время путешествия. В этой оценке, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется самостоятельность подлинно исторической мысли Карамзина.

---

[38] Там же, т. 2, с. 249, 257.

В статье «Несколько слов о русской литературе», напечатанной в 1797 г. во французском журнале, издававшемся в Гамбурге «Spectateur du Nord», Карамзин конспективно излагает впечатления Путешественника о Франции. Сегодняшние события есть результат исторического развития французского народа. Революция является закономерным событием, начинавшим новую эпоху. «Итак, французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния». «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков». «Я слышу пышные речи за и против; но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим, как волны в бурном море; а люди уже хотят рассматривать революцию как завершенную. Нет. Нет. Мы еще увидим множество поразительных явлений. . .» [39]

Подобное понимание французской революции, объяснение ее историей, утверждение, что она является закономерным звеном в цепи развития Франции и потому начинает новую эпоху, которая окажет влияние не только на судьбы французского народа, но и на судьбы человечества, наглядно и убедительно демонстрируют формировавшийся в эти годы просветительский историзм — его характер, уровень, своеобразие.

Я назвал не все факты, обратил внимание не на все произведения Карамзина 1790-х годов, в которых отчетливо видны следы нового, нарождающегося исторического понимания прошлого. Так, заслуживает внимания статья в «Московском журнале» (1791, февраль) «О сравнении древней, а особливо греческой, с немецкою и новейшею литературою». Она является моментом давнего спора «древних» и «новых». В конце XVIII в. этот спор вспыхнул вновь, но приобрел иной — конкретно-исторический характер. По-прежнему сторонники нового искусства опровергали тезис о необходимости подражания древнегреческим образцам как совершенным явлениям искусства, но теперь делалось это с исторических позиций, с учетом работ Гердера. А он требовал сравнительного изучения поэзии, как древней, так и современной, у разных народов, утверждая, что у древних надо учиться, но не подражать им, что поэзия каждого народа самобытна, что ее истоки и национальное своеобразие должно искать в народном творчестве. Спор «древних» и «новых», продолжавшийся в конце XVIII в., и в XIX в. необходимо изучать именно в этом ракурсе, ибо и на этом материале вырабатывались принципы подлинно исторического мышления.

Все произведения, написанные Карамзиным до 1804 г., свидетельствуют не просто о знании им трудов Гердера и Рейналя, но об усвоении уже утвердившихся в различных работах новых

[39] Там же, с. 151, 152—153.

принципов понимания истории, прогресса, идеи развития по пути неуклонного совершенствования, представления о самобытности национальных культур, о преемственности в развитии цивилизаций и просвещения, о связи прошлого с настоящим и настоящего с будущим. Усвоение это не было пассивным. Карамзин свое новое понимание истории выражал в статьях, в публицистике, в художественных произведениях, оно определило в конце концов его занятия историей России.

Главный урок, преподанный французской революцией человечеству, состоял в требовании исторического объяснения причин и характера общественного развития. Революция учила, что не «философские мечтания», не «законы разума» определяют прогресс человеческого общества, но внутренние причины исторического развития. Так, нужную людям истину должно искать не в книгах, но в истории.

Карамзин одним из первых извлек этот урок. Оттого он уже в 1790-е годы начинает с особым вниманием относиться к истории — европейской и русской. Знаменательным шагом вперед в этом направлении явилась статья «Рассуждение философа, историка и гражданина». Убеждения Карамзина высказывает «историк»: «Гордые мудрецы! Вы хотите в самих себе найти путь к истине? Нет, нет! не там его искать должно. Поднимите смелою рукою завесу времен прошедших: там, среди гибельных заблуждений человечества, там, среди развалин и запустения увидите мало известную стезю, ведущую к великолепному храму истинной мудрости и счастливых успехов. Опыт есть привратник его. . .» [40]

Интерес Карамзина к истории означал и начало процесса преодоления обнаружившихся во время французской революции противоречий просветительской идеологии. Он убедился, что только история и исторический опыт каждой страны позволяет обнаружить «малоизвестную стезю», которая и приведет к «храму истинной мудрости». От всеобщих, поистине глобальных этических проблем судеб человечества и трагизма жизни человека в 1790-е годы естественным оказался переход к громадным проблемам исторического бытия нации, переход от «Писем русского путешественника» и повестей к «Истории государства Российского».

7

Место и роль русских деятелей в общеевропейском процессе преодоления механистического подхода к истории не сводится к усвоению уже достигнутых успехов (Рейналь, Дидро, Гердер) и пропаганде новых исторических идей. Они активно участвовали и в проходившем пересмотре механистических концепций

---

[40] Московские ведомости, 1795, 5 декабря, № 97.

и оказывались способными самостоятельно разрабатывать важнейшие теоретические проблемы новой философии истории. С особой отчетливостью эта самостоятельность проявлялась в практическом освоении исторического опыта для насущных задач современности (Новиков, Карамзин, Державин), в формулировании закономерностей будущей русской революции (Радищев).

Естественно, что главное внимание русских деятелей, занимавшихся проблемами истории, привлекала история России. На этом поприще русские историки и писатели выступали самостоятельно. Более того, поскольку русской историей занимались французские просветители и историки, русским деятелям приходилось вступать в спор с предвзятыми умозрительными концепциями истории России. Особенно плодотворной оказалась полемика по вопросу понимания русского национального характера и русского средневековья.

В известной книге Руссо «Общественный договор» были изложены взгляды философа и писателя на русский народ и на деятельность Петра-преобразователя. Руссо писал: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого».[41]

Пафос этого утверждения Руссо — в полемике с Вольтером. В 1759 г. в Женеве вышел первый том «Истории России при Петре Великом» Вольтера. В соответствии с просветительскими взглядами на историю Вольтер повествует о русской истории и роли Петра. Смысл его деятельности, по Вольтеру, — преобразование «дикой», «варварской» России в современную цивилизованную страну. Преобразование оказалось возможным, потому что Петр I был первым русским просвещенным монархом. Прогресс и цивилизация были обусловлены деятельностью мудрого монарха. Оттого Петр I идеализируется Вольтером, его деятельность получает восторженную оценку. Сочинение Вольтера о Петре I было одним из программных документов французского Просвещения. В нем ярко, талантливо и темпераментно проявлялись принципы просветительского изучения истории; в угоду готовой философской концепции истолковывалось прошлое России; отдельные факты и примеры служили иллюстрацией выдвинутых положений.

---

[41] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969, с. 183.

Руссо, не приняв идеализации Петра I, дает ему по существу отрицательную оценку. Но, полемизируя с Вольтером, Руссо, так же как и историк Петра I, находится во власти просветительского понимания истории. В духе Вольтера он утверждает, что прошлое России — это эпоха «варварства», что народ русский «дикий», что ему чуждо гражданское устройство. Не соглашаясь с идеализацией Петра I, Руссо, как и Вольтер, не обращается к реальной истории России, не мотивирует свою позицию опытом истории данной страны и народа, но одной умозрительной концепции противопоставляет другую. Потому он и утверждал, что «подражательный талант» Петра I определил его желание просветить свой народ по европейскому образцу, заставляя перенимать все, что ему чуждо. Петр I, по Руссо, «хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских».[42]

Все эти философско-исторические построения Руссо Радищев принять не мог. Прошлое России не было для него эпохой варварства. Он уже хорошо понимал, что характер народа создают не монархи, но история. Русский народ в своей многовековой истории, в своих сложных и разносторонних отношениях с князьями, а потом царями, в борьбе за свое отечество вырабатывал основы своего национального характера. И Петр I действительно не идеальный монарх, но и не «подражательный талант», деятельность которого была бессмысленной.

Радищеву, внимательно изучавшему русскую историю, русское государство в его эволюции за несколько столетий, русский народ в его социально активной деятельности, была очевидной умозрительность суждений Руссо о Петре и русском народе. Потому он решительно выступил против его концепции. В «Письме другу, жительствующему в Тобольске» (1782) им давалась исторически конкретная оценка деятельности Петра I. Петр I справедливо «по общему признанию наречен великим»; как государь он сделал много нужного и важного для развития и процветания России. Главная его заслуга — не в военных победах над Карлом XII, но в том, «что дал первый стремление столь обширной громаде (России, — *Г. М.*), которая, яко первенственное вещество, была без действия». Вот почему «вопреки женевскому гражданину познаем в Петре мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно».

Но признав Петра I великим государем, Радищев не идеализирует его. Опираясь на факты, на анализ социальной политики Петра, Радищев утверждает, что русский император «не отличился различными учреждениями, к народной пользе относящимися». Более того, он был «властным самодержцем», «который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества».[43]

---

[42] Там же.
[43] *Радищев А. Н.* Избр. соч., с. 11, 12.

Последнее суждение особенно важно — оно результат изучения русской истории — факты летописей свидетельствовали, что с ростом власти князей, с укреплением силой авторитета государей шел процесс «истребления» вольности народа. Петр истребил последние остатки этой исконной воли народа. Так история выявляла закономерность антагонизма народа и монарха, помогала понять умозрительность концепции просвещенного абсолютизма. Петр I был мудрым императором и замечательной личностью, но ничего не сделал для благоденствия народа, и не сделал именно потому, что был царем.

«И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана, то нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле».[44]

Делая это заключение, Радищев уже спорил не с Руссо, но с Вольтером, с его идеализацией Петра I как просвещенного монарха. В этой связи необходимо сказать, что в данном случае Радищев опирался на определенную русскую традицию. Эта традиция — отстаивание идеи самобытности истории России, опровержение ложных концепций, которые развивались в ряде сочинений французских авторов. В 1760—1780-е годы вышло несколько французских книг по русской истории. Вслед за «Историей» Вольтера в 1768 г. аббат Шапп издал «Путешествие в Сибирь», затем вышли книги Левека («История России» — 1782—1783) и Леклерка («Естественная, нравственная, гражданская и политическая, древняя и новая история России», написанная на основании «Истории России» Левека).

В основе этих сочинений лежали вульгаризированные общепросветительские концепции истории; реальные факты или не изучались, или игнорировались, или использовались для иллюстраций готовых теорий и прежде всего для доказательства, что до Петра I Россия пребывала в дикости и варварстве. Каждая из этих книг вызывала ответ в России: Карамзин в 1790-е годы писал о сочинении Левека; И. Н. Болтин издал «Примечания на историю древния и нынешния России господина Леклерка». Книга Шаппа, повторявшая многие положения «Истории» Вольтера, вызвала возражение Новикова.

В 1772 г. Новиков напечатал свой «Опыт исторического словаря о российских писателях». Его цель — не только дать критическую характеристику русской литературы XVIII в. и сообщить биографические сведения о писателях-современниках, но и опубликовать разысканные и собранные им сведения и материалы о писателях допетровской эпохи: в словарь было внесено

[44] Там же, с. 12.

50 таких имен, в том числе имя первого русского летописца Нестора. Уже в этой работе сказалась историческая позиция Новикова: прошлое России изучено плохо, русские деятели XVIII в. мало сделали для создания правдивой, основанной на фактах, а не домыслах истории России. Подступом к таким трудам должно стать собирание исторических материалов политического, экономического и культурного характера.

С 1767 г. в России начали издавать летописи. Через шесть лет — в 1773 г. Новиков сам приступил к печатанию ежемесячного издания «Древняя российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся» (название даю по 2-му изд.). Изданию было предпослано предисловие, в котором Новиков формулировал свое понимание задач изучения русской истории.

Прежде всего Новиков считает необходимым воспитывать у соотечественников интерес к истории родины, ибо знание прошлого помогает нравственному воспитанию юношества. Мысль эта замечательна — подлинная, основанная на документах история, славное прошлое отечества позволят на конкретных примерах воспитывать те добродетели, которые лежат в основании национального русского характера. Такое воспитание тем более необходимо, что среди дворянства широко распространилась галломания с ее рабским подражанием французским модам и презрением ко всему русскому, национальному. Но, восклицает Новиков: «Не все у нас еще, слава богу! заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою».[45]

В этом заявлении, программном для русского Просвещения, отчетливо сформулирована мысль: прошлое России не есть эпоха варварства, в средних веках были обычаи и нравы «предков наших», которые формировали «великость духа» русских людей. Так еще раз была подчеркнута проблема национального характера. Понимание, что национальный характер формировался на протяжении многих веков, что решающую роль в этом процессе играли не монархи, не правительства, а нравы и обычаи, способствовало преодолению антиисторической концепции о варварстве средних веков.

В этой связи Новиков и упоминает о книге аббата Шаппа, отвергая его суждения о дикости русских, о торжестве «суеверий», «глупости», «невежества» в прошлой русской истории. Стоит помнить, что в книге Шаппа тенденциозно коллекционировались факты и делались выводы откровенно клеветнического характера; указывалось, что вся эта дикость и суеверия харак-

---

[45] *Новиков Н. И.* Избр. соч., с 373.

терны именно и только для прошлого России в отличие от Франции, например, где всегда господствовали просвещение и цивилизация.

Новиков писал, что «русские французы» — галломаны станут, может быть, вслед за «клеветой А.** де Ш.** пересмехать суеверие и простоту, или по их глупость, наших праотцев: но одни ли россияне подвержены были сему пороку? Пусть припомнят господа наши полуфранцузы день святого Варфоломея: тогда не должно будет удивляться, что у нас некоторые частные люди от суеверия пострадали».

Занимая откровенно патриотические позиции, Новиков чужд шовинизма: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов; но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными».[46]

В следующем 1774 г. Новиков выступил с пространными возражениями исторической концепции Шаппа и других французских историков России. В журнале «Кошелек» созданный им сатирический персонаж «французского защитника» подробно развивает точку зрения французских историков на Россию как на страну варварства, дикости и торжества суеверий. Этот поклонник и защитник французов издевается над попыткой Новикова продемонстрировать древние «российские добродетели», определявшие «великость духа» русских людей прошлого, изданием исторических документов. Отвергая новиковские взгляды на русскую историю, он откровенно ссылается на мнения и авторитет французских историков. Он пишет, что эти так называемые добродетели «от просвещенных людей именуются ныне варварством». При этом он делает ссылку на этих «просвещенных людей»: «О сем, если вы любопытства имеете побольше наших прародителей, которые от великих своих добродетелей никаких книг не имели и не читали, то можете сие видеть в сочинении Абеде Ш... и других подобных ему беспристрастных писателях о России: но я всех их не могу упомнить».[47]

Нет сомнения, что в числе этих «беспристрастных писателей о России» имеется в виду и Вольтер со своей «Историей России при Петре Великом». Отвечать на эти сочинения французских авторов и призывал Новиков. Его ответом и являлось издание «Древней российской вивлиофики»: подлинные исторические документы должны были опровергать измышления и «клеветы» этих историков.

В «Кошельке» наиболее развернуто был поставлен вопрос о русском национальном характере. Прежде всего Новиков возражает тем французским историкам, которые считали, что «рос-

---

[46] Там же.
[47] Там же, с. 87.

сияне» не имели своего характера и что его еще должно формировать, как это делал, например, Петр I, копируя «немецкий, английский характер». «Я никогда не следовал, — пишет Новиков, — правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера».[48]

Далее Новиков, развивая идею Монтескье о влиянии климата и географических факторов на нравы народов в духе будущих концепций Гердера о самобытном характере национальных культур, писал: «...как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области свойственными климатам их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что одной России, не дав свойственного народу ее характира, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый, никакому народу не свойственный характир, а еще наипаче россиянину».[49]

Вопрос о национальном характере является центральным в понимании истории русскими просветителями. Его решение диктовалось насущными потребностями борьбы с крепостным правом и деспотизмом самодержавного правления Екатерины II. После крестьянской войны под руководством Пугачева, когда со всей очевидностью проявился раскол нации и обнаружилась непримиримая враждебность народа к рабству и своим угнетателям, вопрос о национальном характере приобрел остро политический смысл. Вот почему в 1783 г. писатель-просветитель Д. Фонвизин поставил этот вопрос на общественное обсуждение, задав Екатерине II, автору сатирических фельетонов «Были и небылицы», печатавшихся в «Собеседнике любителей российского слова», вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» Возмущенная императрица ответила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании».[50] Ответ выдавал желаемое за действительное. Это понимали не только просветители. Даже дворянский идеолог князь М. Щербатов, прочтя этот ответ, сидя в своем поместье, записал: «Лестно и для нас, деревенских пентюхов, такое объяснение, желательно, чтоб оно было правильно».

Екатерина II, определяя национальный характер, подчеркивала угодные самодержавию его черты — образцовое послушание, смирение. Просветители, опираясь на историю, выдвигали иное понимание национального характера — вольнолюбие, твердость, мятежность. С наибольшей отчетливостью такое толкова-

---

[48] Там же, с. 75.
[49] Там же.
[50] Собеседник любителей российского слова, 1783, ч. III, с. 116.

ние было дано Радищевым. В «Слове о Ермаке» он писал: «Но здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении — суть качества, отличающие народ российский. И если бы место было здесь на рассуждение, то бы показать можно было, что предприимчивость и ненарушимость в последовании предприятого есть и была первою причиною к успехам россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного сии качества в них не воздремали. О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!» [51]

«Блаженство общественное» — свобода. Сейчас народ в рабстве. Но пробьет час, и черты характера, вырабатывавшиеся в ходе истории, проявятся на новом поприще. И только тогда окончательно определит себя народный характер, когда в сокрушении мира насилия и угнетения обретет народ «славу и величие», очистится от тех посрамлений, которые наслоили на него века рабства и унижения.

Мысль о вольнолюбии ныне крепостного народа не была умозрительной. Она исходила из опыта истории. Это особенно наглядно можно видеть по тому характеру выписок из летописей, которые делал Радищев в 1780-е годы. Они свидетельствуют, что его пристальное внимание привлекли факты, связанные с рассказом летописцев о свободном правлении Новгорода, о его независимости от княжеской власти. Факты свидетельствовали, что власть в Новгороде принадлежала народному собранию. «Веча или народное собрание, на кое созывали особливым колоколом, называемым вечным, и на оных сборищах основалась наипаче вольность народа».

Уже Рюрик повел войну с вольным Новгородом: «Рюрик, усмирив взбунтовавшихся новгородцев и наказав их заводчика Вадима Храброго, вступил в неограниченное правление и стал зваться великим князем...» Но вольнолюбивые новгородцы не смирились и продолжали борьбу с князьями. «Князя Всеволода новгородцы, лиша правления, держали 2 месяца в заточении».

Но народное правление было свойственно и Киеву: «И в Киеве были народные собрания, называемые вече, кои созывал тысяцкий». История свидетельствовала — исконная вольность народа постоянно на протяжении веков истреблялась князьями и царями. Так, царь Иван Васильевич, покоритель Казани, «истребил остатки вольности новгородской».

О вольном Новгороде Радищев подробно писал в «Путешествии из Петербурга в Москву». Вот одно из программных заявлений писателя: «Известно по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у их были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалася в посадниках и тысяц-

---

[51] *Радищев А. Н.* Избр. соч., с. 484.

ких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь».

В наиболее обобщенной форме мысль о том, что в прошлом русский народ был свободным, что его вольность постоянно «истребляли» князья и цари, сформулирована в «Слове о Ермаке»: «Вечевой колокол, палладиум вольности новгородской, и собрание народа, об общих нуждах судящего, кажется быть нечто в России древнее и роду славянскому сосущественно, с того, может быть, даже времени... как славяне начали жить в городах».[52]

Идея об имманентности русскому народу свободы и «народных правлений» в первую очередь опиралась на опыт новгородской республики, как об этом было записано в летописях. Тем самым определялось отношение к прошлому России, к ее средним векам. Вольный Новгород оказывался символом процветания русского народа. Прошлое — не эпоха варварства, но время формирования важнейших национальных традиций, которые монархами и самодержцами настойчиво искоренялись и ликвидировались на протяжении многих веков. Политической задачей становилась борьба за восстановление утраченной вольности, которая русскому народу «сосущественна».

Тема Новгорода была развита и другими деятелями. Стремление найти в прошлом своего отечества подлинно национальные устои не только в сфере нравственности, но и в сфере социальной и государственной жизни нации привело просветителей к широкой разработке проблемы новгородской республики. В этой атмосфере появилась трагедия Я. Княжнина «Вадим Новгородский», в которой он убеждал своих будущих читателей и зрителей, что Россия — исконно свободная страна, что народ в ней всегда был волен, что самодержавие, навязанное русским людям силой, отняло у них эту вольность. Отсюда вывод, поддержанный опытом истории: «Самодержавие повсюду бед содетель», имевший огромное политическое значение не только для современников, но и для будущих поколений.

«Открытый» в русском средневековье республиканский Новгород, проблема формирования русского национального характера и оказались тем «плацдармом», с которого наиболее активно осуществлялось преодоление метафизической исторической концепции просветителей.

Несомненно, трактовка темы республиканского Новгорода носила идеализированный характер и была далека от подлинной правды истории. Но в реальных условиях того времени интерес к Новгороду, к проблеме национального характера вел русскую историческую и политическую мысль к подлинному постижению прошлого России, к изучению летописей, к собиранию исторических документов. Вот почему эта идеализация не должна мешать

---

[52] Там же, с. 470, 473, 475, 91, 482.

пониманию того громадного влияния идей республиканского Новгорода и исконной, «сосущественной» русскому народу вольности на русскую литературу — они были восприняты декабристами, получили свою интерпретацию у Пушкина и Лермонтова.

Все это позволяет сделать заключение, что в общеевропейском движении просветителей по преодолению механистического взгляда на историю, пожалуй, русские писатели наиболее решительно пересматривали просветительскую концепцию о варварстве средних веков. Именно на этой основе наиболее полно прослеживалась идея развития истории, обосновывался тезис о самобытности истории русского народа. В результате изучения русского средневековья многое из прошлого (особенно в плане общественно-политическом) оказывалось важным в настоящем, устанавливалась связь времен, успешно разрабатывались проблемы преемственности.

8

Наиболее значительную роль в становлении просветительского историзма сыграл Радищев. Его историзм, и это стоит подчеркнуть, обладает особыми качествами, обусловленными революционными убеждениями писателя. Отсюда его глубина и зрелость. В то же время необходимо учитывать, что именно начавшееся преодоление механистического взгляда на историю, сопровождавшееся формированием новой философии истории, способствовало теоретическому обоснованию неизбежности революции как способа разрешения социальных противоречий феодального общества и обретения свободы угнетенным народом.

Впервые еще в 1930-е годы вопрос об историзме убеждений Радищева был поставлен и исследован Г. А. Гуковским в «Очерках русской литературы XVIII века». Принципиально важно, что он рассматривал Радищева как участника общеевропейского процесса обновления исторической науки и формирования нового понимания истории. Стремление Радищева преодолеть механистичность теории «естественного права» Г. А. Гуковский соотносит с теми явлениями в просветительской мысли Запада, в которых отчетливо проявлялся подлинно исторический подход к прошлому. Поэтому радищевские «элементы историзма» изучались ученым в связи с историческими воззрениями Гердера.

На знакомство Радищева с сочинением Гердера «Идеи к философии истории человечества» указал еще в 1907 г. И. И. Лапшин.[53] Изучая философский трактат Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанный в Сибири, И. И. Лапшин на многочисленных примерах показал, как использовались отдельные положения Гердера в пересказах и цитатах.

---

[53] См.: *Лапшин И. И.* Философские воззрения Радищева. Предисловие. Полное собр. соч. А. Н. Радищева/ Под ред. проф. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева в 2-х т. СПб., 1907.

Г. А. Гуковский, анализируя использованные Радищевым фрагменты сочинения Гердера, раскрывает понимание истории обоими мыслителями, устанавливая их связи и расхождения. Многое у Гердера было близко Радищеву: и глубокое понимание национальной самобытности культуры каждого народа, и мысль о народном искусстве как выразителе национального характера, и осуждение деспотизма, и гуманизм философа, и по-своему истолкованная идея Монтескье о роли климата, географических условий в формировании национальных культур.

В то же время многое было неприемлемо для Радищева у Гердера: его *религиозные взгляды, игнорирование им социальных* факторов и др. И наконец, главное расхождение — Гердер видит цель исторического прогресса в осуществлении идей гуманизма, а Радищев — в достижении свободы революционным путем.

Пользуясь материалами Гердера, Радищев, по Гуковскому, на первый план выдвигал то, что у Гердера было в тени, а частично подчеркивал роль социального фактора в устройстве общества. «Для Радищева вопросы исторического понимания действительности — *это прежде всего вопросы обоснования* исторической неизбежности революции. Он пытается строить научный прогноз будущего. Материалами для такого прогноза в его сознании являются, во-первых, общая концепция законов истории, предрешающих судьбу России, и, во-вторых, конкретное изучение национального характера русского народа и экономико-политического положения его. Все это построение Радищева следует признать оригинальным плодом его гения, пошедшего дальше его учителей, как французских, так и английских и немецких».[54]

Общий ход рассуждений Г. А. Гуковского о соотношении исторических воззрений Гердера и Радищева справедлив. Но в этот вопрос необходимо внести некоторые существенные дополнения.

Первое: знакомство Радищева со знаменитым трудом Гердера «Идеи к философии истории человечества» произошло в начале 1790-х или в самом конце 1780-х годов. Оно и было широко использовано в философском трактате, написанном в сибирской ссылке. Вот почему тема «Радищев и Гердер» закономерна при изучении произведений русского писателя, написанных в годы ссылки. Впервые же Радищев читал Гердера в 1785 г. — дату эту он сам назвал в показаниях следователю. Но прочел он не «Идеи к философии истории человечества» (первый том издан в 1784 г., второй — в 1786, третий — в 1787 г.), а книгу, изданную в 1780 г., «Vom Einfluss der Regierung auf die Wissenschaften und der Wissenschaften auf die Regierung». («О влиянии правительства на науки и наук на правительство»). Материалы ее были использованы при написании главы «Торжок» в «Путешествии из Петербурга в Москву». Никакой стройной исторической концепции в этой книге еще не было.

---

[54] *Гуковский Г. А.* Очерки русской литературы XVIII века, с. 169.

Второе, и главное: «элементы историзма» мы находим у Радищева в ряде его произведений, написанных до 1785 г., т. е. до знакомства с Гердером вообще. Это обстоятельство важно методологически — оно обязывает исследовать проблему зарождения исторического мышления в век Просвещения на широком общеевропейском, с одной стороны, а с другой — на конкретно-национальном материале.

Г. А. Гуковский выдвинул именно этот путь изучения «элементов историзма» Радищева. Он указал, что теория географического и климатического воздействия на образ жизни и нравы человека, общества и государства, развитая Монтескье, некоторые исторические работы Вольтера, Тюрго, Мабли и особенно Рейналя «уже подготовляли до известной степени почву для построений исторического характера».[55] Антиисторизм просветительского мышления в известной мере преодолевался английскими философами и историками — Юмом и Адамом Смитом. Юм, в частности, отступал от позиций французских просветителей в понимании происхождения религии, утверждавших, что религию придумали и навязали народам обманщики — жрецы и тираны. Радищев был знаком с этими сочинениями.

Обратил внимание ученый и на необходимость изучения русских предшественников Радищева. «Развитие мысли Радищева от механического „естественного права" к конкретно-историческому пониманию человека было предопределено тенденциями русской демократической мысли до него». В этой связи он называет труды московских профессоров — Д. Аничкова («Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания» — 1769), С. Десницкого («Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» — 1768), в которых, в частности, в духе Юма и Адама Смита русские ученые доказывали земное происхождение религии — богов создал страх человека, утверждали они, власть в государстве не от бога, она родилась историческим путем.

Исследуя взгляды Радищева на историю, раскрывая его глубокие связи с европейской просветительской литературой, ученый приходит к выводу: «Строго говоря, он ниоткуда не взял эти особенности своего мышления, но создал их сам на почве русской действительности».[56] Тем самым была поставлена задача исследования путей создания Радищевым своей исторической концепции с учетом движения новой европейской мысли, потребностей русской жизни, особенностей развития нового понимания русскими просветителями истории своего отечества.

К сожалению, выдвинутая Г. А. Гуковским проблема не получила должной фундаментальной разработки. Появившиеся отдельные, как правило, частные замечания об исторических взгля-

---

[55] Там же, с. 160.
[56] Там же.

дах Радищева прибавили мало нового к уже достигнутому. Вопрос о связях Радищева с предшественниками в разработке проблемы остался без внимания. Специально написанная глава — «Исторические взгляды Радищева» в коллективном труде «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., т. 1, 1955) написана не на должном уровне. Ее авторы (М. А. Алпатов и Б. Б. Кафенгауз) почему-то не использовали новые и очень важные материалы (впервые опубликованные в 1952 г.), характеризующие радищевское изучение русской истории. К тому же центральные положения исторической концепции Радищева, как это ни парадоксально, выводятся авторами главы из студенческих сочинений Федора Ушакова, опубликованных Радищевым в качестве приложения к своему сочинению «Житие Ф. В. Ушакова». В серьезном труде взгляды Ушакова приписаны Радищеву! В довершение всего Радищев рассматривается имманентно, без связей с западноевропейским и русским Просвещением.

Как же формировались убеждения Радищева до знакомства с трудами Гердера? Отвечая на этот вопрос, должно подчеркнуть главное — формировались они на основе глубокого изучения истории Европы и Америки и наиболее подробно и скрупулезно — истории России: учитывались не только уже написанные исторические труды, но исследовались летописи, различные документы.

В одном из томов архивного собрания Воронцовых хранится ряд рукописных сочинений Радищева (статьи «Опыт о законодавстве» и «О добродетелях и награждениях», несколько заметок на темы истории и выписки из разных книг — из «Истории Российской...» В. Н. Татищева и печатных публикаций древнерусских летописей), засвидетельствовавших его пристальный интерес к русской истории. Начало этих занятий русской историей относится к 1782 г. Продолжались они на протяжении всего десятилетия. Впервые эти рукописи были опубликованы в 1952 г.[57]

В основе статей и заметок лежат выписки из летописей и «Истории Российской...» В. Н. Татищева. В русской истории Радищев особое внимание обращает на средние века. Он выписывает интересующие его события главным образом гражданско-правового характера, анализирует политические акции и социальное законодательство князей и государей русских, стремясь «извлечь по разумению нашему смысл доселе изданных в России законов».

Изучение истории России по летописям (вслед за Ломоносовым и другими историками) как вернейшим и беспристрастным источникам знаменательно. Оно практически противостоит просветительской традиции. Радищев стремится опираться на факты и документы, на реальный исторический процесс, на опыт народа и государства, и потому выводы его документированы. Он не

---

[57] *Радищев А. Н.* Избр. соч. (Подготовка неопубликованных текстов осуществлена Д. С. Бабкиным).

привносит в историю России готовую концепцию, но извлекает ее из тщательно изученных событий, фактов, законов, обычаев. Оттого он решительно отказывается от просветительского тезиса, что русские средние века — это эпоха варварства, что социальный строй зависит от личности монарха (просвещенного или непросвещенного), что законы определяются географическими, а не социальными обстоятельствами. Все это должно учитывать при рассмотрении «элементов историзма» в произведениях 1780-х годов («Письмо другу, жительствующему в Тобольске», «Вольность», «Путешествие из Петербурга в Москву»). Важнейшие положения политического, социального и исторического характера, сформулированные в них, обосновывались опытом истории, закономерностями ее развития.

Вот почему среди этих бумаг Радищева рядом с выписками из летописей мы находим критические высказывания о философии истории просветителей: «Монтескию и Руссо с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассийские правления и Францию. Забыл о соседях своих».[58]

Монтескье — создатель новой социологии, вдохновитель политической доктрины энциклопедистов. Его «Дух законов» был источником воззрений на государство не только для Гольбаха, Гельвеция и Вольтера. Для Екатерины II «Дух законов» даже был «молитвенником». Монтескье рассматривал три типа государственного устройства: республику, деспотию и монархию. Республиканско-демократический строй, которому Монтескье больше всего сочувствовал, объявлялся идеальным, но утопичным, он мог быть осуществлен лишь в далеком будущем. Деспотия как правление, противное природе человека, подлежит уничтожению. Монархия же, смягченная просвещением и вдохновляемая философами, признавалась лучшей формой современного устройства бытия народов. Теория Монтескье послужила основанием для политической концепции энциклопедистов (просвещенный абсолютизм), которая не могла вооружать освободительное движение, а наоборот, оказалась использованной самодержцами — Фридрихом II и Екатериной II. Радищев не соглашается с теорией Монтескье, потому что он «забыл о соседях своих», потому что не учитывал опыт истории, называет его теорию «умствованием».

Демократические радикальные воззрения Руссо, его идея народоправства уже в лейпцигский период горячо поддерживалась Радищевым. Следы влияния самой радикальной книги французского мыслителя — «Общественный договор» — отчетливо видны в примечании к слову «самодержавство» в переведенной Радищевым книге Мабли «Размышление о греческой истории».

Но занятия историей позволили Радищеву увидеть и противоречивость учения Руссо о государстве. В отличие от Монтескье

---

[58] Там же, с. 480.

Руссо, как известно, выдвигал в качестве идеала не монархию, а республику. Но в то же время Руссо оговаривался, что республиканский строй пригоден лишь для малых стран и народов. Большие же государства и народы должны довольствоваться монархией. Радищев, живущий в России, напряженно размышляющий о будущем своего отечества, убедившийся, что самодержавие, монархия — это всегда режим насилия, деспотизма (вот почему в своей заметке он употребляет вместо термина «монархия» — «насилие»), не мог не опротестовать этот тезис Руссо. И в своем возражении он историчен: Руссо, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие».

Обращаясь к истории, Радищев с особым вниманием исследовал социально-экономические связи дворян и крестьян. История приходила на помощь Радищеву в понимании причин развития — они рождались на почве социальных противоречий. Крепостное право беззаконно. Оно насильственно введено землевладельцами и санкционировано высшей властью. Более того, крепостное право в XVIII столетии превратилось в жесточайшее рабство. Режим рабства беззаконен и преступен. Стихийный и беспрестанно возникавший протест «мертвого в законе» крепостного раба оправдан. Оправдан и нравственно, ибо он справедлив.

Собственность порождала неравенство — об этом уже писал Руссо. Радищев, опираясь на историю социальных отношений землевладельцев с земледельцами, увидел антагонистический характер этих отношений. Помещики никогда добровольно не откажутся от дарового труда крепостных. Надежды на добродетельных просвещенных благотворителей потому утопичны и наивны. Радищев, понимая это, делает важный шаг в направлении раскрытия подлинных, социальных причин развития общества: «Свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». Екатерина II, прочтя эти слова, точно передала их социальный смысл: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков».[59]

Тем самым Радищев вскрывал неизбежность протеста, восстания, революции как единственного пути к свободе. Та же закономерность обусловила и политику монархов: поддерживая силою своего могущества угнетение народа, они ничего добровольно не упустят из своей власти («Письмо другу, жительствующему в Тобольске»). Оттого Радищев отвергал доктрину «просвещенного абсолютизма». И в данном случае Радищев опирался на опыт истории и, в частности, на деятельность Петра I. Изучение революций в прошлом (английская революция XVII в.) и в современности (американская революция 1776—1783 гг.) убеждало

[59] *Радищев А. Н.* Избр. соч., 1949, с. 199, 671.

Радищева, что торжество свободы есть результат насильственного революционного акта, а главной движущей силой революции является народ. Обусловливает поведение угнетенного народа «тяжесть порабощения».

Просветители, будучи сторонниками мирных путей к свободе, верили в просвещенных монархов. Они, естественно, недооценивали народ — эту массу непросвещенных, неспособных к разумным действиям угнетенных работников. Они учили, что народ надо сначала (сверху) просветить, а потом уж освобождать. Они недооценивали творческие потенции народа, не могли видеть в нем силу, способствующую историческому развитию. Только американская революция заставила задуматься некоторых просветителей над исторической ролью народа.

Для Радищева же народ — великая сила истории, ибо именно «тяжесть порабощения» в свой урочный час подвигнет его на вооруженную борьбу за свободу. Народ для Радищева — это и творец новой государственности, новых идей, новой культуры, которую он будет создавать после победы. Только революция, учил Радищев, просвещает угнетенных и поднимает к новой, творческой жизни. Золотыми буквами на скрижалях рождавшегося просветительского историзма должно записать эти великие слова Радищева: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны».[60]

Радищев, воспитанный на идеях Просвещения, участвовал в общеевропейском движении по выработке новой философии истории, но занимал в нем особое место. Потому новое в радищевских воззрениях — не теория прогресса, а теория революции; новое в том, что история для него перестала быть сборником иллюстраций и примеров, какой она была для просветителей. В своих исследованиях он пытается установить связь между историческими событиями, найти причины их возникновения и развития в условиях и обстоятельствах материальной жизни людей.

Следует отметить и еще одну особенность исторических воззрений Радищева — их практический характер. Они формулировали и определяли направление деятельности людей, вооружали нужным в борьбе за свободу народа и родины знанием, в то время как многие положения Гердера и других западных философов носили чисто теоретический характер. Стремление Радищева найти опору в истории, в познании закономерностей ее развития создавало возможность научного предвидения, «угадывания», предсказания будущей русской революции.

---

[60] *Радищев А. Н.* Избр. соч., 1952, с. 179.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» после определения закона разрешения социальных противоречий путем революции («тяжесть порабощения» поднимет угнетенных на борьбу) Радищев писал: «Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».[61] Это действительно не мечта, не пророчество, а предвидение, возможность которого обусловлена пониманием социально-экономических причин развития общества. Подобное предвидение — ярчайший образец действенности новой философии истории, свидетельство того высокого уровня, которого достиг в своем развитии просветительский историзм.

Важно подчеркнуть, что вышеприведенная фраза, не обмолвка мыслителя: та же идея, но в более полном виде развернута в оде «Вольность». Радищев не просто «прорицает о будущем жребии отечества», не только утверждает неизбежность победоносной русской революции, но и дает «описание царства свободы и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...» жизни свободных людей в свободном государстве. Больше того, историзм позволяет реалистически мыслить о будущем: революция будет, но она должна быть подготовлена всем ходом экономического и социального развития общества, ростом противоречий, созданием определенных условий. Радищев знает, что в настоящее время революция невозможна: «время еще не пришло»:

Но не приспе еще година,
Не совершилися судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды![62]

Историзм создавал возможность предвидения, а это способствовало решению другой проблемы (связанной в какой-то мере с условиями успешной революции) — роли личности в истории и тех обстоятельствах, которые «делают великого мужа». Радищев писал: «История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции Александр был бы, может быть, Картуш. Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа».[63]

Развивая свою мысль, Радищев с поразительной прозорливостью видит и обобщает условия жизни исторических деятелей,

---

[61] Там же.
[62] Там же. с. 173, 235.
[63] Там же, с. 428.

обосновывает на историческом опыте зависимость человека от совокупности факторов общественной и личной жизни, которые обусловливают все его поведение и могут при счастливом стечении обстоятельств способствовать «разверженню великих дарований», самореализации потенциальных способностей и талантов личности.

«Малейшая искра, падшая на горячее вещество, произведет пожар велий; сила электрическая протекает везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожатого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва один возмог, осмелился, дерзнул изъятися из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепитися к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление, отъемлет все препоны. Лутер стал преобразователь, Декарт преобразователь, и яко вследствие законов движения удар, данный единому шару, сообщается всем, на пути его стоящим...»[64]

9

Новое понимание истории вырабатывалось в теоретических сочинениях и быстро становилось достоянием самых различных деятелей — философов, историков, писателей. Именно в литературе — прозе и поэзии — раньше всего сказались результаты овладения историческим мышлением. Особенно наглядно это проявилось в переводах античных авторов, в частности Анакреона.

Интерес к Анакреону, возникший в XVI в., не угас и в XVIII столетии. Но время накладывало свою печать на понимание поэзии древнегреческого поэта, на место анакреонтики в поэзии разных стран, на характер точности перевода. Исторический смысл обращения и новой русской и западноевропейской литературы к греческой поэзии объяснил Белинский: «Русская поэзия не знала еще Греции... как всемирной мастерской, через которую должна пройти всякая поэзия в мире, чтобы научиться быть изящною поэзиею».[65]

Первым в России это понял Кантемир, принявшийся в конце 1730-х годов переводить с греческого оды Анакреона. К сожалению, переведенные им 55 од, посланные в Петербург, опубликованы не были и не стали живым явлением литературного процесса XVIII в. С Анакреоном русского читателя познакомил Ломоносов, который перевел одно стихотворение «Ночною темнотою...» (вошло в «Риторику», изданную в 1748 г.) и несколько од, включенных поэтом в свой «Разговор с Анакреоном» (при жизни Ломоносова он не печатался, но с 1760-х годов распрост-

---

[64] Там же, с. 429.
[65] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 224.

ранялся в списках). В 1750-х годах Сумароков ввел в русскую поэзию новый жанр — анакреонтическую оду. Анакреона Сумароков знал по французским и немецким переводам. Главной особенностью нового жанра для Сумарокова был размер: он создал так называемый анакреонтический стих — четырехстопный хорей или трехстопный ямб с женским окончанием без рифм. Опыт Сумарокова получил признание, и «анакреонтическим стихом» стали писать Херасков, Ржевский, Богданович и другие его последователи. Следуя за французской и немецкой анакреонтикой, эти поэты, и особенно Ржевский и Богданович, превратили оду в легкое эротическое стихотворение, очень отдаленно связанное с так называемыми одами (песнями) древнегреческого поэта.

Подобная анакреонтика была собственно вариацией на темы поэзии Анакреона. У поэтов и переводчиков в эту пору даже не возникала мысль об их обязанности передать историческое и национальное своеобразие поэта Древней Греции. То же мы наблюдаем и у сентименталистов, которые стали осваивать анакреонтическую оду для нужд нового направления. Анакреонтическая ода у классицистов безлична, это изысканно-шаловливое рассуждение на любовную тему. Анакреонтическое стихотворение у сентименталистов — субъективно, в известной мере автобиографично, в нем они пытались запечатлеть реальное живое чувство.

В 1770—1780-е гг. отношение к Анакреону изменилось, рождалось новое понимание его поэзии. Связано это было с общеевропейским обостренным интересом к античности. Важным моментом этого нового обращения к искусству и литературе Греции и Рима был спор о характере использования художественного опыта древности. Повод к спорам подала книга немецкого искусствоведа Винкельмана «История искусства древности» (1764). Вслед за многими просветителями Винкельман в античности искал образцы героического. Но он не только пропагандировал греческое искусство, он объявлял его образцом для подражания. Тем самым было предопределено двоякое отношение к книге. Сторонники нового искусства — враги классицизма — не могли принять концепцию Винкельмана. Классицисты же получили неожиданную мощную поддержку своим требованиям следовать образцам античности.

С возражением Винкельману выступил Дидро. Стоя на позиции прогресса, он развивал идею преемственного развития искусства. Вне использования опыта прошлого, утверждал он, не может плодотворно развиваться новое искусство. Мастера античности велики именно потому, что были верны природе. Осваивать их опыт — значит не подражать им, но учиться их искусству следования законам природы, искусству постижения ее тайн. «Мне кажется, — писал он, — что следовало бы изучать античность, дабы научиться видеть природу».[66]

---

[66] *Дидро Д.* Собр. соч. в 10-ти т. М., 1946, т. 6, с. 190.

Вслед за Дидро выступил Лессинг. Не принимая идеи подражания, он доказывал, что она родилась из недоверия к современности, к реальным условиям жизни, к живому, терзаемому различными страстями современнику, который и должен быть главным героем нового искусства.

Европейский интерес к античности был в это время в еще большей мере обусловлен тем преодолением метафизического взгляда на историю и выработкой исторического мышления, которые, как мы знаем, происходили в последнюю треть XVIII в. Именно тогда широкое распространение получила концепция Гердера о национальном своеобразии культур, об их исторической обусловленности и индивидуальных путях их формирования. Печать такого своеобразия лежит и на греческой литературе, на анакреонтике, которая, как утверждал философ, органически связана с народной поэзией. Тем самым вставала совершенно новая задача: переводы Анакреона должны передавать дух времени и дух древнего народа.

В этой атмосфере и родился замысел Николая Львова дать русской поэзии подлинного Анакреона: он занялся переводом его од и в 1794 г. выпустил их отдельной книгой. Н. Львов оказался непосредственным предшественником Державина в исторически назревшем пересмотре европейской традиции истолкования Анакреона. В предисловии к своему сборнику он утверждал, что слава Анакреона не в том, что он писал «любовные и пьянственные песни», как думал вслед за европейскими авторитетами Сумароков. Анакреон — поэт-философ, учитель жизни, в его стихах рассеяна «приятная философия, каждого человека состояния услаждающая». Он не только участвовал в забавах двора Поликрата, но и «смел советовать» ему в делах государственных.

Но самое главное в предисловии — это определение исторически понятого своеобразия поэзии Анакреона. Львов решительно заявляет: Анакреон — оригинальный поэт. Нарисованные им в стихотворениях «картины» есть «самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца, своего другого наставника».[67] Два «наставника» — природа и сердце — обусловили оригинальность Анакреона. Вот почему нельзя ему подражать, но у него должно учиться быть оригинальным, быть верным в изображении русской природы и в раскрытии жизни сердца русского поэта, учиться точности изображения нравов, быта, верований своего народа, как это делал Анакреон в своих стихотворениях.

Предисловие было своеобразным манифестом, в котором отчетливо запечатлелся исторический подход к прошлому, к пониманию античной поэзии, в решении вопроса преемственного развития литературы. Развивая выдвинутые немецким философом, историком

---

[67] Стихотворение Анакреона Тийского. Перевел *** [Н. А. Львов, — *Г. М.*]. СПб., 1794, кн. 1, с. V и VI.

литературы Гердером (с трудами которого Львов был отлично знаком) представления о греческой поэзии как о поэзии, тесно связанной с жизнью народа, как искусстве, запечатлевшем конкретно-исторический этап жизни человечества, Львов подчеркивал не только объективность картин Анакреона, но и близость его стихотворений к народным песням. «Русский Анакреон», учась оригинальности у греческого поэта, должен был учитывать художественный опыт русской народной песни. Фольклорные искания Львова и других поэтов конца века сближались с работой по освоению эстетического опыта античности. Анакреонтическая ода обретала новую жизнь на русской почве, учитывая эстетический опыт народной песни.

Несомненно, пониманию Анакреона способствовало выработанное Львовым представление о народности литературы, которую он понимал как национальную обусловленность. В кружке поэтов (Державин, Хемницер, Капнист) Львов выступал пропагандистом национальных форм поэзии, требовал создания произведений на сюжеты русских былин и сказок. Сам он всю жизнь собирал русские народные песни. В 1790 г. он издал подготовленное им «Собрание народных русских песен с их голосами, положенными на музыку Прачем». Это издание помогало борьбе писателей за самобытность русской поэзии.

Выход «Стихотворений Анакреона Тийского» с предисловием и обстоятельными примечаниями переводчика — важнейшая веха в становлении русской анакреонтики. Он способствовал расцвету могучего таланта Державина, ставшего с 1786—1787 гг. писать глубоко оригинальные анакреонтические стихотворения, названные им «песнями».

Свои «Анакреонтические песни» Державин издал отдельным сборником в 1804 г. и переиздал в составе собрания сочинений в третьем томе (1808). Это были первые образцы русского антологического стихотворения. Вслед за Державиным выступят Батюшков и Пушкин; их усилиям мы обязаны бурному развитию русской антологии. «Державину первому принадлежит честь ознакомить русских с антологическою поэзиею, и его анакреонтические пьесы, недостаточные в целом, блещут неподражаемыми красотами в частностях»; его стихи проникнуты «духом эллинским».[68]

Державинскую антологию внутренне объединяют две тенденции: переводы и переделки стихов Анакреона, Сафо и других греческих поэтов и освоение опыта греческой поэзии для изображения русской жизни. Державин внимательно читал Гердера, учитывал в своей поэтической практике его учение о духе времени и духе народа. Занятия анакреонтикой, переводы и переработки стихов античных поэтов, создание произведений в духе Гомера или Анакреона, Сафо или Горация отражали его стремление

---

[68] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954, т. 5, с. 253.

проникнуться духом далекой эпохи, чтобы создавать объективный образ переводимого поэта и передавать стиль избранного образца.

Говоря об антологической поэзии, развивавшейся в XIX в., Белинский писал: «У эллинской поэзии заимствует она и краски, и тени, и звуки, и образы, и формы, даже иногда самое содержание. Впрочем, ее отнюдь не должно почитать подражанием... Когда поэт проникается духом какого-нибудь чуждого ему народа, чуждой страны, чуждого века, он без всякого усилия, легко и свободно творит в духе того народа, той страны или того века».[69]

Державинские антологические стихи, проникнутые «эллинским духом», в известной мере способствовали в русских условиях формированию исторического мышления, были моментом в процессе выработки историзма русскими писателями, непосредственно предшествовали опытам Батюшкова, Карамзина (как автора «Истории государства Российского»), Пушкина.

Как образцы «живого сочувствия к древнему миру» и проникновения в художественный мир древней Греции Белинский приводил две анакреонтические пьесы — «Победа красоты» и «Рождение красоты». В обеих «песнях» была развернута Анакреонова мысль о могуществе красоты, выражавшей важную особенность античного миросозерцания. Но стихи эти глубоко оригинальны, Державин, по мысли Белинского, самостоятелен в художественном воплощении античных сюжетов.

Большая часть антологических стихотворений Державина посвящена изображению русской жизни, русских обычаев, раскрытию поэзии жизни обыкновенной. Обобщая опыт русской антологии, Белинский писал: «Содержание антологических стихотворений может браться из всех сфер жизни, а не из одной греческой: только тон и форма их должны быть запечатлены эллинским духом».[70]

«Эллинский дух» анакреонтических песен на русские темы проявлялся в близости их к сюжетам од Анакреона, к вариациям анакреонтических любовных мотивов, в ироническом описании «похождений» мифологических богов на русской земле, в изяществе, лаконизме и артистизме формы, в общем шутливом тоне рассказа. Так написан, например, «Фальконетов Купидон».

Державин сознательно в описаниях русской жизни использует античные и фольклорные мотивы, греческую и русскую мифологию (Амур, Лель). Это сочетание античного и русского получает свое теоретическое объяснение и в авторских комментариях к анакреонтическим песням: поэт стремится подобным сближением подчеркнуть общее народное фольклорное начало каждой национальной поэзии. Шуточная манера рассказа также часто восходила к сказкам и песням, откуда поэт черпал и образы, и поэтическую лексику, и лукавую манеру изъяснять свою мысль («Охотник», «Шуточное желание», «Русские девушки» и др.).

[69] Там же, с. 231.
[70] Там же, с. 258.

Автобиографизм определяет содержание многих анакреонтических песен. Державин рассказывает не только о своем понимании долга поэта и его месте в обществе («Венец бессмертия», «К лире», «Дар», «К самому себе» и др.), но и о своих друзьях, о своей жене, о своих повседневных делах и заботах. В песне «Приношение красавицам», которой открывался сборник «Анакреонтические песни», поэт провозглашал:

Вам, красавицы младые,
И супруге в дар моей
Песни Леля золотые
Подношу я в книжке сей.[71]

Державин настойчиво утверждал право поэта писать о самом обыкновенном, находить поэтическое в повседневной жизни, в обыкновенных людях, в бытовом укладе русского человека. Подобная поэзия прокладывала дорогу будущим поэтам. На опыт Державина опирался Пушкин.

Художественное новаторство Державина в изображении реального человека в окружении подлинных обстоятельств и событий его жизни, быта, природы, вещей создало условия для открытия «тайны национальности» человека, сделало способным поэта раскрыть национальную обусловленность характера прежде всего своего лирического героя. Уже Белинский подчеркивал и народность поэзии Державина, и его умение раскрыть «русский ум». «Ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности... его стихиею и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством — патриотизм». В его стихах «видна практическая философия ума русского; посему главное отличительное их свойство есть *народность*, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи».[72]

Просветительский историзм помогал Державину раскрыть в анакреонтике дух времени и дух народа древней Греции. Но обретенный опыт открывал ему путь к постижению духа русского народа. Так Державин раскрывал «тайну национальности», он уже не только задавался вопросом — в чем наш национальный характер, но поэтически его воплощал в своих стихах. Вырабатывавшееся новое историческое мышление способствовало оригинальности, народности и национальной обусловленности будущей русской поэзии.

10

Новый XIX в. органически воспринял идею обновления исторической науки и развивал ее в новых условиях. Он принял эста-

---

[71] *Державин Г. Р.* Соч. Л., 1957, с. 287.
[72] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1957, т. 1, с. 49.

фету от ушедшего столетия. Процесс разработки просветительского историзма не просто продолжался — он убыстрял темп своего развития и подготавливал его качественное изменение. Диалектика этого процесса состояла в том, что углубление философской основы просветительского историзма создавало условия для перехода его на новый уровень — романтического историзма (главным образом в странах Западной Европы) и реалистического историзма (в России — Пушкин).

Осуществлению преемственности способствовала практическая деятельность в новом столетии Державина, Карамзина (его громадный труд «История государства Российского») и Радищева. Его сочинения, написанные в ссылке, пожалуй, с наибольшей полнотой запечатлели все особенности просветительского историзма в его индивидуальном преломлении писателем-революционером. Они-то и были изданы сыновьями писателя в шести томах (без «Путешествия из Петербурга в Москву» и оды «Вольность») в Петербурге в 1806—1811 гг. Несомненно, издание сочинений гонимого самодержавием писателя было явлением незаурядным. Оно не могло не привлечь внимание литературной общественности. Читал эти небольшие томики и Пушкин, впервые еще в лицее.

Какова роль этих сочинений в литературном процессе начала XIX в.? Как усваивались и какие именно идеи привлекали писателей? Вопросы эти остаются без ответа, ими не занималось литературоведение. Изучение радищевского историзма в условиях нараставшего интереса к проблемам истории в 1800—1810 гг. поможет ответить на эти вопросы.

Должно учитывать и то обстоятельство, что интерес к истории, стремление разгадывать тайны ее развития в первые десятилетия XIX в. проходили в новых исторических обстоятельствах и на ином уровне. Крушение французской республики и приход к власти Наполеона, объявившего себя императором, нараставшее разочарование в просветительской философии в связи с тем, что французская революция не обеспечила обещанного торжества царства разума, с одной стороны, а с другой — Отечественная война с ее патриотическим подъемом, нараставшее в среде передового дворянства недовольство режимом рабства и деспотизма русского самодержавия, которое привело в 1825 г. к восстанию, — все это настойчиво заставляло обращаться к опыту истории, чтобы там искать ответы на жгучие вопросы современности.

Вот почему и в странах Западной Европы, и в России мы наблюдаем дальнейшее развитие принципов исторического мышления. Русские писатели не только осваивали достижения и открытия своих соотечественников, не только продолжали, правда, уже новыми глазами, читать Гердера, но внимательно следили за новыми работами западных мыслителей и писателей: Сисмонди, де Сталь, а с середины 1810-х гг. — В. Скотта.

Вопросы истории, ее понимания, споры об оригинальности и подражаниях в литературе, о своеобразии национальных культур постоянно освещались на страницах русских журналов. Все эти вопросы волновали и таких поэтов, как Жуковский и Батюшков. К сожалению, исторические воззрения этих двух поэтов не были предметом специального исследования. Известно, что Жуковский интересовался историей, читал Гердера. Сейчас получен богатейший первоклассный материал, характеризующий исторические занятия поэта.[73] Обнародовано множество замечательных фактов и документов, свидетельствующих о напряженном и постоянном внимании поэта к русской и западноевропейской истории, интересе к вопросам оригинальности литературы и ее самобытности, о роли подражания в историческом аспекте. Документировано внимательное чтение сочинений Гердера, Сисмонди, де Сталь, а позже — Гизо, де Баранта, т. е. тех мыслителей, в трудах которых запечатлелись разные этапы становления историзма. Тема «Исторические воззрения Жуковского» ждет своего исследователя.

После завершения Отечественной войны под влиянием впечатлений о послереволюционной Франции Батюшков оказался захваченным идеями «всеобщего разочарования». Начавшийся под влиянием опыта буржуазной Европы пересмотр просветительской философии отдалил Батюшкова после возвращения на родину от той среды его современников, в которой зарождалась мысль о революционном обновлении России. Батюшков попал в тиски трагически не разрешимых личностью, но исторически закономерных противоречий социального развития человечества на его пути к истинной свободе.

Обращение к истории помогло Батюшкову преодолеть тяжелый идейный кризис. Он читает и Винкельмана, и Гердера, де Сталь и Сисмонди, Радищева и Карамзина, Муравьева и Державина. Его внимание привлекают и древние эпохи — Греция и Рим, Италия Возрождения и культура севера — история скандинавских стран и Франции, но прежде и больше всего Россия. Начиная с лета 1814 г. (статья «Прогулка в Академию художеств») Батюшков постоянно обращается к истории России, останавливает свое внимание главным образом на эпохе Петра. Хотя и смутно, но уже открывались ему закономерности развития родины. История — не цепь заблуждений и катастроф. Современность — это не пора умирания, крушения и гибели того, что когда-то было достигнуто. «Время, — пишет Батюшков, — все разрушает и создает, портит и совершенствует».[74] Нет нужды скорбеть о прошлом и оплакивать настоящее. Поэт вырабатывает светлый и бодрый взгляд на будущее. «Петр Великий пробудил

---

[73] Библиотека В. А. Жуковского в Томске/ Под ред. проф. Ф. З. Кануновой. Томск, 1978.

[74] *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 44, 45.

народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу». История отечества наполняла сознание Батюшкова гордостью. Всего сто лет назад «Россия пробудилась от глубокого сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, осветившая нашу землю, предвещает прекрасное утро, великолепный полдень и ясный вечер: вот мое пророчество!»

Отечественная война, пробудившая титанические силы народа, оказывалась моментом его истории. Сейчас, когда Россия находилась накануне нового этапа развития, должны быть решены кардинальные проблемы политического бытия народа — свобода и просвещение. Для Батюшкова эти два понятия неразрывны. Он верит, что итогом развития России «будет полное торжество свободы». Пройдет, говорит он, «два или три столетия, может быть и ранее», у народа появится новый вождь, «который постигнет вполне великую мысль Петра, и обширнейшая земля в мире, по творческому гласу его, учинится хранилищем законов, свободы, на них основанной, нравов, дающих постоянство законам, одним словом, — хранилищем просвещения».

В статье «Вечер у Кантемира», написанной в 1816 г., Батюшков говорит о «деятельном духе Петра», который «не покидает страны». Под деятельным духом Петра Батюшков разумеет историческую деятельность народа, его творческую активность, разбуженную Петром. Победа народа в войне — яркое проявление деятельного духа Петра. Именно этот дух «всему дает душу, и новую жизнь, и новую силу; он, кажется мне, беспрестанно вещает России — иди вперед! не останавливайся на поприще, мною отверзтом, и достигнешь великой цели, мною назначенной!» В этом восторженном отношении к Петру нельзя не видеть идеализации великого преобразователя, той идеализации, которая будет свойственна и Пушкину в пору написания им «Стансов» и «Полтавы». Но в данном случае важно понять, что обращение к истории России и, в частности, к истории Петра помогло Батюшкову преодолеть кризис, обрести веру в будущее, открыть обязанности человека в настоящем.

В философских и литературно-исторических сочинениях, написанных в 1814—1816 гг., Батюшков изложил основу своего нового миропонимания. Органическим было его обращение к событиям Отечественной войны (цикл стихотворений: «Переход... через Неман», «Переход через Рейн», «К Никите», «Пленный»), к историческим сюжетам («Умирающий Тасс»), к переводам античных поэтов и, наконец, к собственным опытам в духе древних поэтов (цикл «Подражание древним»). Поэзия Батюшкова 1817—1821 гг. — это ярчайший пример позитивного воздействия быстро прогрессировавшего в своем развитии историзма на творчество поэта, на литературу в период допушкинский.

Новаторство Батюшкова в изображении Отечественной войны (историческая оценка событий) обусловливалось прежде всего тем, что он подошел к пониманию ее народного характера.

Стремление воссоздать исторический колорит изображаемых событий привело к выработке новой стилистики — поэтическая лексика должна была передавать «дух времени».

«Переход через Рейн» как бы в конденсированной форме раскрывает все богатые возможности создаваемой поэтом новой системы. Начинается стихотворение обзором тех исторических событий, свидетелем которых был Рейн. Это необходимо, чтобы вписать в историю величайшее событие современности — переход русской армии, изгоняющей армию Наполеона из России, осуществляющей справедливый акт возмездия захватчикам. Глубокая древность. Пора кровавых битв между древнегерманскими племенами и римлянами передается словами: «О Реин, ты поил несчетны легионы, мечом писавшие законы». Здесь все подчинено задаче точного изображения событий. Отсюда — «легионы» (именно так назывались воинские соединения древних римлян). Слова «мечом писавшие законы» исторически точно передают жестокую правду времени, когда насилие определяло гражданские права поверженного народа. Наступила эпоха средних веков, торжество христианства — изменился «дух времени». Поэт стремится его передать: «Мир крестом преображен». Закономерно появляются «турниры» и «трубадуры».

При сопоставлении описаний событий прошлых и современных с особой наглядностью проступает историческая конкретность используемого слова, точность эпитета, точность не случайная, а вытекающая из новых принципов стиля. И в средние века, и в новое время люди отстаивали честь. В эпоху рыцарства «витязи вооружалися копьем», вступаясь «за честь прелестных жен». Сейчас Рейн оказался свидетелем новой битвы, когда русские войска «стеклись, нагрянули за честь твоих граждан, за честь твердынь, и сел, и нив опустошенных».

Через пять лет, в 1822 г., Пушкин напишет «Песнь о вещем Олеге». Перед ним встанет задача — точно передать дух древней Руси, психику людей того времени, их взгляд на жизнь, их быт. Он решает эту задачу, опираясь на опыт Державина, на опыт Батюшкова. Фраза: «Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам», передающая жестокость нравов эпохи, стоит в одном ряду с фразой Батюшкова «мечом писавшие законы», как в том же ряду стоят слова: у одного «дружина», у другого — «легионы». Эпитет «цареградская броня» (Пушкин) с такой же исторической точностью передает особенности жизни людей Киевской Руси, когда нужное военное снаряжение и оружие для защиты своего земледельческого хозяйства от набегов половцев и хазар приходилось покупать в Царьграде, как эпитет «медный крест» (Батюшков) характеризует рядового ратника русской армии, простого солдата (крестьянина или казака), православного человека, того конкретно-исторического солдата, который мужественно исполнил свой долг защиты и освобождения родины.

Элегия «Умирающий Тасс» — новый, уверенный шаг в развитии историзма Батюшкова. Ставшая перед ним трудная, но заманчивая поэтическая задача точного воссоздания облика другой культуры, раскрытия типа и характера мышления людей, живших давно и в непохожей на Россию стране, и, наконец, раскрытия конкретного, исторически точного быта — не могла не волновать. Через семь лет в борение с подобными трудностями вступит Пушкин в «Борисе Годунове» и выйдет победителем. Батюшков не одержал такой победы, но его опыт предварял пушкинский и способствовал победе Пушкина.

Батюшков много читал исторических сочинений, в частности Гердера. Он решительно выступал против исторического анахронизма, бытовавшего в литературе и искусстве. Так, критически оценивая картину «Истязание Христа в темнице», Батюшков писал: «К чему, спрашиваю вас, на римском воине шлем с змеем и почему в темнице Христовой лежит железная рукавица? Их начали употреблять десять веков или более после рождества Христова». Через десять лет за подобные отступления Пушкин будет упрекать Рылеева, который в думе «Олег вещий» напишет: «Прибил свой щит с гербом России». В письме поэту Пушкин указывал: «Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый ореол есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: „Таже повеси щит свой на вратех на показание победы“».[75]

Требование Батюшкова к художникам выражало его собственную позицию, с какой он писал стихи на исторические темы: «Если художники наши будут более читать и рассматривать прилежнее книги, в которых представлены обряды, одежды и вооружение древних, то подобных анахронизмов делать не будут».

Несомненно в первую четверть XIX столетия самым крупным и программным документом формировавшегося в России историзма явилась «История государства Российского» Карамзина.

Работа над «Историей» длилась более двух десятилетий — с 1804 по 1826 г. Усвоенные и выработанные в 1790-е годы принципы просветительского историзма получили при написании «Истории» дальнейшее развитие. В 1818 г. русский читатель получил первые восемь томов «Истории». К тому же времени вышли из печати шесть романов В. Скотта. В этом в сущности случайном совпадении проявлялась некая закономерность. Оба писателя обратились к истории, уже опираясь на выработанные их предшественниками идеи новой философии истории, и сами в процессе художественного исследования прошлого своей страны сумели двинуть вперед науку истории. Отсюда огромное влияние В. Скотта и Н. Карамзина на современную им литературу и науку: их сочинения отвечали требованиям времени. В частности, на опыт

[75] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т., Л., 1949, т. 10, с. 144.

В. Скотта опирались французские историки, выступившие со своими трудами в конце 1820-х годов; на опыт Н. Карамзина — Пушкин, уже в период южной ссылки, а особенно при написании трагедии «Борис Годунов».

Характер и особенности историзма карамзинской «Истории государства Российского» должны быть определены в процессе тщательного самостоятельного исследования. Хотя следует отметить, что так или иначе этот вопрос уже освещался в научной литературе.[76] В настоящей статье не представляется возможным подробно характеризовать историзм Карамзина — автора «Истории». Укажу лишь на некоторые моменты исторического освещения событий в «Истории», на метод изображения прошлого, раскрытия «духа времени», нравов, обычаев, культуры древней России, на изображение национального характера, наконец.[77]

«История» построена на огромном фактическом материале, собиравшемся писателем в течение многих лет. Среди многочисленных первоклассных по своей значимости документов на первое место дóлжно поставить летописи. В тексте «Истории» использованы не только ценнейшие сведения и факты летописей, но Карамзин включил в свое сочинение обширные цитаты или пересказы входивших в летописи повестей, преданий, легенд. Для Карамзина летопись ценна прежде всего тем, что она открывала отношение к фактам, событиям и легендам современника их — летописца. Потому важнейшим принципом «Истории» и стало стремление ее автора «смотреть в тусклое зеркало древней летописи», следуя за ней в изложении и оценке событий, не украшая вымыслом или произвольной догадкой свой рассказ. Постижение точки зрения летописца, его «простодушия» и суда над современниками, в которых запечатлелся «дух времени», было задачей Карамзина-художника. Карамзин-историк выступал с комментарием этой летописной версии событий.

Монархическая концепция «Истории» (хотя писатель опирался при этом на точку зрения Руссо, согласно которой монархическое правление «наиболее пригодно» для больших государств, а республиканское — «для малых») закономерно вызвала возражение декабристов. В годы, когда дворянские революционеры развертывали борьбу с самодержавием, всякая его защита, хотя бы и на материале истории, объективно укрепляла дело реакции. В то же время видеть в «Истории» только защиту самодержавия и осуждать ее на этом основании было бы неисторично. В сочи-

---

[76] См., например: *Лотман Ю. М.* Поэзия Карамзина. — В кн.: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966; *Макогоненко Г. П.* Вступит. ст. к изд.: *Карамзин Н. М.* Избр. соч. в 2-х т. М.; Л., 1964, т. 1.

[77] Подробнее об историзме «Истории государства Российского» см. в главе: «Карамзин и Просвещение, формирование исторического мышления». «История государства Российского». — В кн.: *Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976, с. 169—195.

нении Карамзина заложено глубокое противоречие: умозрительной концепции писателя оказались противопоставленными многочисленные факты, которые опровергали идею благодетельности самодержавия для России и народа. И Карамзин не скрывал этих фактов, но честно приводил их, объективно оценивал их. Заданный тезис, привнесенная в сочинение идея не подтверждались материалом истории.

Противоречие это обернулось трагедией Карамзина, политическая идея заводила в тупик. И несмотря на это, Карамзин не изменил своему методу выяснения истины, открывавшейся в процессе художественного исследования прошлого, оставался верен ей, даже если она противоречила его политическому идеалу. Это было победой Карамзина-художника, верного историзму в понимании истории. Именно потому Пушкин и назвал «Историю» подвигом честного человека.

Противоречивость сочинения Карамзина отлично понимал Пушкин. Отвечая декабристам на их критику «Истории», он писал: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения».[78] Слова Пушкина следует понимать еще и в том смысле, что суждения Карамзина о самодержавии не покрывают всего огромного содержания «Истории», что многотомный труд нельзя сводить к доказательству тощего политического тезиса, что было в этом труде что-то такое, за что можно было ее автора назвать великим писателем, за что следовало ему сказать спасибо.

Историзм карамзинского сочинения проявлялся прежде всего в ярко запечатленном сознании непрерывности исторического бытия Русской земли, в рассмотрении ее истории как непрерывного, хотя и осложненного тягчайшими длительными испытаниями и бедствиями, становления единого мощного государства, занявшего свое особое место в ряду других государств мира. Эта идея красной нитью проходит через все летописи, и ее воспринял Карамзин, она пронизывает все его повествование. Но летописи открыли ему еще одну тайну истории — меняющийся из века в век тип сознания русских людей, то, что было названо в «Истории» «духом времени». Каждая эпоха была охарактеризована Карамзиным в соответствии с летописями определенной совокупностью черт сознания, типом мышления — своими религиозными убеждениями, своими идеалами, нравственными критериями, пониманием долга, воинского мужества, проявлением вольнолюбия, системой общественных, политических, имущественных отношений, своим уровнем культуры, просвещения, бытового уклада и т. д.

Историзм проявил себя и в раскрытии сознания летописцев. И хотя у Карамзина нет ни одного характера летописца, все же Пушкин, создавший в трагедии «Борис Годунов» исторически

---

[78] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 8, с. 67—68.

обусловленный характер летописца Пимена, счел нужным указать, что этим он обязан Карамзину. «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной ему богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия»; «Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов».[79]

Трудно переоценить это признание Пушкина. Оно драгоценно тем, что писатель категорически, с поразительной четкостью подчеркивает преемственность в развитии историзма в России, устанавливает непосредственную связь между открытиями Карамзина — автора «Истории государства Российского» и своей трагедией «Борис Годунов».

Художественное начало «Истории» позволило раскрыть процесс выработки психического склада русской нации. Главная тема летописи — судьба Русской земли и непрерывная борьба за единство — сосредоточила внимание летописца на роли национального фактора. Отсюда подчеркивание таких самобытных черт русского самосознания, как патриотическая гражданственность, понимание героического как выполнение особой, жизненно необходимой работы по исполнению своего долга перед родиной, как выявление личной заботы о благе родной земли, как способности выходить «из домашней неизвестности», из сферы частных, семейных интересов «на театр народный».

Усилия по раскрытию тайны психического склада нации подводили Карамзина к постижению национального характера. Опираясь на летописи, писатель оказался способным и самостоятельно обобщать опыт истории, и делать из нее извлечения. Должно при этом отметить, что в соответствии с уровнем исторических знаний эпохи в сочинении Карамзина оказался обойденным социальный фактор вообще и его влияние на выработку национального самосознания в частности. В этом отношении он как бы сознательно шел за летописью, которая по своим причинам прошла мимо социального фактора. Проблема социальности и социальной обусловленности человека и его сознания станет злободневной позже — в 1830-е годы. Но, не сосредоточиваясь на выяснении социальных отношений Древней Руси, не понимая их роли, Карамзин все же счел необходимым проследить влияние на национальную жизнь политических режимов прошлого, как они определились в формы княжеского и царского государственного правления. Проблема взаимоотношений народа и власти, встававшая перед Карамзиным в связи с его монархической концепцией,

[79] Там же, т. 7, с. 74.

оборачивалась новым аспектом: что отличает русский народ — любовь к установленному князем или царем порядку или склонность к мятежам?

Еще до написания «Истории» Карамзин эту проблему решал с позиции не истины, но «вымысла», догадки, которые оказывались подчиненными идее «благодетельности самодержавия» для России и ее народа. И, опираясь на вымысел, Карамзин писал: «Кровопролитие, мятежи и бедствия составляют главную и, к несчастью, любопытнейшую часть всемирных летописей; но история нашего отечества, подобно другим, описывая жестокие войны и гибельные раздоры, редко упоминает о бунтах против властителей законных, что служит к великой чести народа русского. Он, кажется, всегда чувствовал необходимость повиновения и ту истину, что своевольная управа граждан есть во всяком случае великое бедствие для государства».[80]

Изучение истории по документам, по летописям опрокинуло этот «вымысел». Истина оказалась иной: не «чувствовал всегда» народ русский необходимость повиновения, мятежи народные оказались важным фактором русской национальной жизни на протяжении веков.

Столкнувшись с мятежами как реальным фактом, Карамзин принужден был выяснить их причину. Знаменателен принципиальный вывод, сделанный Карамзиным: русский бунт не есть проявление дикости «непросвещенного» народа или результат происков плутов и мошенников, как то постоянно утверждала дворянская историография. Мятежи, по Карамзину, были следствием антинародной политики князей, народ всегда был вынуждаем на бунт неправедными действиями властей.

Анализируя многочисленные факты начального периода русской истории, Карамзин приходит к пониманию огромной роли народа в политической жизни страны. Любовь или ненависть народа к князю — вот что определяло судьбу самого князя и порядок в княжестве. Если князь не понимает этого, если он не проявляет заботы о народе и хочет добиться его повиновения только силой, то он сам является причиной бунта. Вот характерная для Карамзина констатация фактов: «Народ стенал»; «Сильные утесняли слабых, наместники и тиуны грабили Россию как половцы». Опираясь на мнение летописца, Карамзин писал: «Народ за хищность судей и чиновников ненавидит и царя самого добродушного и милосерднейшего».[81]

Факты истории более чем красноречиво свидетельствовали о мятежности народа, выступавшего против князей и самодержцев. И тогда, спасая свою любимую идею, отступая от истины, Карамзин объясняет, что в возникновении мятежей виновато не самодержавие, а те монархи, которые отступали от принципов

---

[80] *Карамзин Н.* Соч. М., 1820, т. 8, с. 229.
[81] История государства Российского. СПб., 1818, т. 2, с. 101; т. 3, с. 29—30.

самодержавия («Предмет самодержавия есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу»[82]). Вина с плеч самодержавия перекладывалась на плечи отдельных личностей — тиранов, оказавшихся на царском престоле.

Такие монархи, как Грозный, Годунов, — тираны и преступники — подлежат суду историка, но не народа. Карамзин лишает народ права на бунт. Как же тогда объяснить действительно бывшие бунты против самодержцев? Карамзин предлагает свое толкование фактов истории. Народный бунт, мятеж в подобных ситуациях объявляется Карамзиным проявлением суда небесного — это кара божественная за совершенные царями-тиранами преступления, за отступничество от принципов самодержавия. Тем самым с народа снимается «вина» за мятеж — он оказывается всего лишь орудием провидения. В других случаях, когда народ не восстает против самодержца, но терпит бедствия, чинимые властью, Карамзин заставляет его «безмолвствовать». Эти грозные и многозначительные слова, исполненные не только укоризны, но и немой угрозы, довольно часто появляются на страницах последних томов «Истории».

По Карамзину, добродетель народа вовсе не противоречит народной «любви к мятежам». Художественное исследование истории открывало Карамзину эту истину. Он понимал, что не любовь к «установлениям» самодержцев, но «любовь к мятежам», направленным против самодержцев, не исполнявших своего долга — заботиться о благе своих подданных, отличает народ русский. Он мог «безмолвствовать» во время правления тиранов, он мог поднять восстание и «ниспровергнуть» государя, а в годину испытаний спасти отечество. Свой вывод Карамзин формулировал довольно откровенно: «Сей народ, безмолвный в грозах самодержавия наследственного, уже играл царями, узнав, что они могут быть избираемы и низвергаемы его властию».[83] Так Карамзин оказывался способным художественно показать, что коренные черты народного характера раскрываются даже в «неистовстве бунта», отвергая тем самым концепцию русского национального характера, выдвинутую Екатериной II («образцовое послушание»).

Потому и оказалось возможным Пушкину при работе над «Борисом Годуновым» использовать открытия Карамзина. Еще не зная трудов французских историков, Пушкин, опираясь на национальную традицию, вырабатывает историзм как метод познания и объяснения прошлого и настоящего. Следуя за Карамзиным в раскрытии русского национального характера, он создает образ Пимена. Еще более примечательно отношение Пушкина

---

[82] *Карамзин Н.* Соч., т. 8, с. 51.
[83] История государства Российского. СПб., 1829, т. 2, с. 101; т. 3, с. 29—30; т. 12, с. 94.

к открытой Карамзиным «истине» о характере отношений народа к самодержавию. Отбросив монархическую концепцию автора «Истории», отвергнув его апофегмы в пользу самодержавия, Пушкин увидел и понял как закономерность эмпирически установленный факт постоянных мятежей народа против князей и царей. Историзм помог Пушкину открыть другую, более важную истину — ненависть народа к самодержавию, враждебность народу этой формы правления, непримиримость их антагонизма. Оттого Пушкин и подчеркивал, что Карамзину он обязан «мыслию» своей трагедии, что ему он следовал «в светлом развитии происшествий».

События французской революции и последующая реакция на них в известной мере обусловливали преемственную связь между первым этапом истории историзма, когда началось его формирование в эпоху Просвещения, и его последующим развитием в 1820-е годы. Энгельс указывал, что именно в первые десятилетия XIX в. шел бурный процесс выработки новой философии истории: «...история человечества уже перестала казаться диким хаосом бессмысленных насилий... она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей».[84] «История государства Российского» — частный случай общего процесса, один из примеров того, как это практически осуществлялось на материале истории России.

---

[84] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 23.